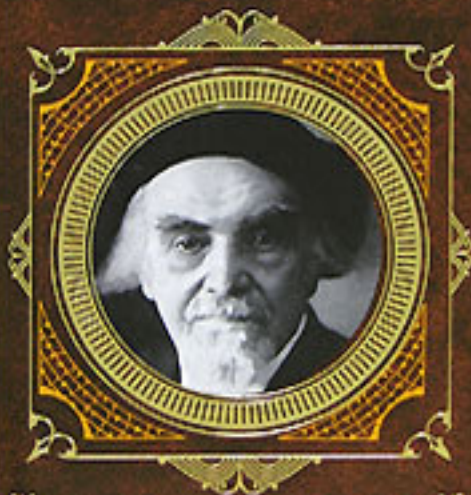

Николай
БЕРДЯЕВ

Судьба России

Николай Александрович Бердяев

Судьба России

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174567

Судьба России: Эксмо; М.; 2007

ISBN 5-699-19687-6

Аннотация

Известный русский философ и публицист Н.А.Бердяев в книге «Судьба России» обобщил свои размышления и прозрения о судьбе русского народа и о судьбе российского государства. Государство изменило название, политическое управление, идеологию, но изменилась ли душа народа? Что есть народ как государство и что есть народ в не зависимости от того, кто и как им управляет? Каково предназначение русского народа в семье народов планеты, какова его роль в мировой истории и в духовной жизни человечества? Эти сложнейшие и острейшие вопросы Бердяев решает по-своему: проповедуя мессианизм русского народа и веруя в его великое предназначение, но одновременно отрицая приоритет государственности над духовной жизнью человека.

Содержание

Мировая опасность	5
I. Психология русского народа	12
Душа России	12
I	12
II	35
О «вечно бабьем» в русской душе	54
I	54
II	57
III	59
IV	66
V	68
Война и кризис интеллигентского сознания	73
I	73
II	76
III	80
Темное вино	83
I	83
II	86
III	88
Азиатская и европейская душа	92
I	92
II	96
О власти пространств над русской душой	101

I	101
II	104
III	107
Централизм и народная жизнь	111
I	111
II	114
О святости и честности	118
I	118
II	121
III	125
Об отношении русских к идеям	129
I	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Николай Бердяев

Судьба России

Мировая опасность (*Вместо предисловия*)

С горьким чувством перечитывал я страницы сборника статей, написанных за время войны до революции. Великой России уже нет, и нет стоявших перед ней мировых задач, которые я старался по-своему осмыслить. Война внутренне разложилась и потеряла свой смысл. Все переходит в совершенно иное измерение. Те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но неприменимыми уже к современным событиям. Все изменилось вокруг в мире, и нужны уже новые реакции живого духа на все совершающееся. Эти новые реакции нужны и для духа, оставшегося верным своей вере, своей идее. Не вера, не идея изменилась, но мир и люди изменили этой вере и этой идее. И от этого меняются суждения о мировых соотношениях. Ни одна из задач мировой войны не может быть положительно разрешена, и прежде всего не может быть разрешен восточный вопрос. Выпадение России из войны – факт роковой для судьбы войны. И роковой смысл этого выпадения я ви-

жу даже не в том, что он дает перевес враждебной нам стороне. Смысл этого события лежит глубже. Русское падение и бесчестье способствовало военным успехам Германии. Но успехи эти не слишком реальны, в них много призрачного. Германские победы не увеличили германской опасности для мира. Я даже склонен думать, что опасность эта уменьшается. Воинственный и внешне могущественный вид Германии внушает почти жалость, если всмотреться глубже в выражение германского лица. Германия есть в совершенстве организованное и дисциплинированное бессилие. Она надорвалась, истощилась и принуждена скрывать испуг перед собственными победами. Ее владычество над огромной таинственной хаотической стихией, в прошлом именовавшейся Великой Россией, не может не пугать ее. Она не в силах совладать с больным и павшим колоссом. Она должна будет отступить перед ним, истощив свои силы. Силы германского народа истощаются все более и более, как и силы всех народов Европы. И ныне перед европейским миром стоят более страшные опасности, чем те, которые я видел в этой войне. Будущее всей христианской культуры старой Европы подвергается величайшей опасности. Если мировая война будет еще долго продолжаться, то все народы Европы со старыми своими культурами погрузятся во тьму и мрак. С Востока, не арийского и не христианского, идет гроза на всю Европу. Результатами войны воспользуются не те, которые на это рассчитывают. Никто не победит. Победитель не в состоя-

нии уже будет пользоваться своей победой. Все одинаково будут побеждены. Скоро наступит такое время, что все равно уже будет, кто победит. Мир вступит в такое измерение своего исторического бытия, что эти старые категории будут уже неприменимы.

Все время войны я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня. Но ныне я не могу не желать, чтобы скорее кончилась мировая война. Этого должно желать и с точки зрения судьбы России, и с точки зрения судьбы всей Европы. Если война еще будет продолжаться, то Россия, переставшая быть субъектом и превратившаяся в объект, Россия, ставшая ареной столкновения народов, будет продолжать гнить, и гниение это слишком далеко зайдет к дню окончания войны. Темные разрушительные силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм и будут разрушены основы христианской культуры. Силы эти спекулируют на мировой войне, и не так уж ошибочны их ожидания. Всей Европе грозит внутренний взрыв и катастрофа, подобная нашей. Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. И тогда кара придет из Азии. На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрясенной до самых оснований собственными варварскими хаотическими стихиями, пожелает занять господствующее положение иная, чужая нам раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией. По сравнению

с этой перспективой вся мировая война есть лишь семейная распря. Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы.

Русский народ не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею. Но испытания этого может не выдержать и вся Европа. И тогда может наступить конец Европы не в том смысле, в каком я писал о нем в одной из статей этой книги, а в более страшном и исключительно отрицательном смысле слова. Я думал, что мировая война выведет европейские народы за пределы Европы, преодолееет замкнутость европейской культуры и будет способствовать объединению Запада и Востока. Я думал, что мир приближается путем страшных жертв и страданий к решению всемирно-исторической проблемы Востока и Запада и что России выпадет в этом решении центральная роль. Но я не думал, что Азия может окончательно возобладать над Европой, что сближение Востока и Запада будет победой крайнего Востока и что свет христианской Европы будет угасать. А это ныне угрожает нам. Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совер-

шил внутреннее предательство. Значит ли это, что идея России и миссия России, как я ее мыслю в этой книге, оказалась ложью? Нет, я продолжаю думать, что я верно понимал эту миссию. Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнился ложью. В опытах по психологии русского народа, собранных в этой книге, можно найти многое, объясняющее происшедшую в России катастрофу. Я чувствовал с первых дней войны, что и Россия и вся Европа вступают в великую неизвестность, в новое историческое измерение. Но я верил и надеялся, что в решении таинственных судеб человечества Великой России предстоит активная и творческая роль. Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления. Но трудно было допустить, что действие этих начал так далеко зайдет. Вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку. Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие, подрывавшее возможность вести войну.

Теперь уж иная задача стоит перед нами, да и перед всем миром. Русская революция не есть феномен политический и социальный, это прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя излечить и возродить Россию одними политическими средствами. Необходимо обратиться к большей глубине. Русскому народу предстоит духовное перерождение. Но русский народ не должен оставаться в одиночестве, на которое обрекает его происшедшая катастрофа. Во всем мире, во всем христианском человечестве должно начаться объединение всех положительных духовных, христианских сил против сил антихристианских и разрушительных. Я верю, что раньше или позже в мире должен возникнуть «священный союз» всех творческих христианских сил, всех верных вечным святыням. Начнется же он с покаяния и с искупления грехов, за которые посланы нам страшные испытания. Виновны все лагеря и все классы. Исключительное погружение Европы в социальные вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества. Решение социальных вопросов, преодолевающее социальную неправду и бедность, предполагает духовное перерождение человечества. Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования России. Теперь должна она обратиться к положительным началам, к абсолютным святыням, чтобы возродить Россию. Но это предполагает перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими.

Мы должны почувствовать и в Западной Европе ту же все-
ленную святыню, которой и мы сами были духовно живы, и
искать единения с ней. Мир вступает в период длительного
неблагополучия и великих потрясений. Но великие ценно-
сти должны быть пронесены через все испытания. Для этого
дух человеческий должен облечься в латы, должен быть ры-
царски вооружен.

В статьях этих я жил вместе с войной и писал в живом
трепетании события. И я сохраняю последовательность сво-
их живых реакций. Но сейчас к мыслям моим о судьбе Рос-
сии примешивается много горького пессимизма и острой пе-
чали от разрыва с великим прошлым моей родины.

I. Психология русского народа

Душа России

I

Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство – к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то

особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа.

Россия не играла еще определяющей роли в мировой жизни, она не вошла еще по-настоящему в жизнь европейского человечества. Великая Россия все еще оставалась уединенной провинцией в жизни мировой и европейской, ее духовная жизнь была обособлена и замкнута. России все еще не знает мир, искаженно воспринимает ее образ и ложно и поверхностно о нем судит. Духовные силы России не стали еще имманентны культурной жизни европейского человечества. Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая. Многих на Западе влечет к себе таинственная глубина русского Востока. Но все еще не наступало время признания за духовной жизнью христианского Востока равноправия с духовной жизнью Запада. На Западе еще не почувствовали, что духовные силы России могут определять и преобразовать духовную жизнь Запада, что Толстой и Достоевский идут на смену властителям дум Запада для самого Запада и внутри его. Свет с Востока

видели лишь немногие избранные индивидуальности. Русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике. Но духовная культура России, то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире. Дух России не может еще диктовать народам тех условий, которые может диктовать русская дипломатия. Славянская раса не заняла еще в мире того положения, которое заняла раса латинская или германская. Вот что должно в корне измениться после нынешней великой войны, которая являет собой совершенно небывалое историческое соприкосновение и сплетение восточного и западного человечества. Великий раздор войны должен привести к великому соединению Востока и Запада. Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным. Для этого давно уже созрели потенциальные духовные силы России. Война 1914 года глубже и сильнее вводит Россию в водоворот мировой жизни и спасает европейский Восток с европейским Западом, чем война 1812 года. Уже можно предвидеть, что в результате этой войны Россия в такой же мере станет окончательно Европой,

в какой Европа признает духовное влияние России на свою внутреннюю жизнь. Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества. Передовая германская раса истощит себя в милитаристическом империализме. Призванность славянства предчувствовали многие чуткие люди на Западе. Но осуществление мировых задач России не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запады принуждены будут, наконец, увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все еще неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия – противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про свою Россию:

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только *верить*.

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, сокрытой в ду-

ше России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства.

Противоречия русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли. Творчество русского духа так же двоится, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей национальной идеологии – славянофильстве и на величайшем нашем национальном гении – Достоевском – русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатлелась на славянофилах и Достоевском. Лик Достоевского так же двоится, как и лик самой России, и вызывает чувства противоположные. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагодарством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россия?

Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобраз-

ными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не вместимой ни в какую государственность. Наше народничество – явление характерно-русское, незнакомое Западной Европе, – есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия – такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы признавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается, как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ. Наши левые и революционные направления не так уже глубоко отличаются в своем отношении к государству от направлений

правых и славянофильских, — в них есть значительная доза славянофильского и аскетического духа. Такие идеологи государственности, как Катков или Чичерин, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почве, как иностранной, не русской всегда казалась бюрократия, занимавшаяся государственными делами — не русским занятием. В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле. Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении государственной власти — так характерна для русского народа и для русской истории¹. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа. Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безго-

¹ Это вполне подтверждается и русской революцией, в которой народ остается духовно пассивным и покорным новой революционной тирании, но в состоянии злобной одержимости.

сударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство – это «они», а не «мы». Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство кует чувство личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история. В русском человеке есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Платон Каратаев у Толстого – круглый. Русский анархизм – женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунт Бакунина есть погружение в хаотическую русскую стихию. Русская безгосударственность – не завоевание себе свободы, а отдание себя, свобода от активности. Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа. Все эти свойства России были положены в основу славянофильской философии истории и славянофильских общественных идеалов. Но славянофильская философия истории не хочет знать антиномичности России, она считается только с одним тезисом русской жизни. В ней есть антитезис. И Россия не была бы так таинственна, если бы в ней было только то, о чем мы

сейчас говорили. Славянофильская философия русской истории не объясняет загадки превращения России в величайшую империю в мире или объясняет слишком упрощенно. И самым коренным грехом славянофильства было то, что природно-исторические черты русской стихии они приняли за христианские добродетели.

Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смут-

ную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни. Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины. Неметчина как-то органически вошла в русскую государственность и владела женственной и пассивной русской стихией. Земля русская не того приняла за своего суженого, ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве. Чужд русскому народу империализм в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно отдавал свои силы на создание империализма, в котором сердце его не было заинтересовано. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души. Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни? Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через все

русское бытие.

Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальности. Это – вторая антиномия, не меньшая по значению, чем отношение к государству. Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы – шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увы! – чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни поверхностны, как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа. Интеллигенты-отщепенцы в известном смысле были более национальны, чем наши буржуазные националисты, по выражению лица своего похожие на буржуазных националистов всех стран. Человек иного, не интел-

лигентского духа – национальный гений Лев Толстой – был поистине русским в своей религиозной жажде преодолеть всякую национальную ограниченность, всякую тяжесть национальной плоти. И славянофилы не были националистами в обычном смысле этого слова. Они хотели верить, что в русском народе живет всечеловеческий христианский дух, и они возносили русский народ за его смирение. Достоевский прямо провозгласил, что русский человек – всечеловек, что дух России – вселенский дух, и миссию России он понимал не так, как ее понимают националисты. Национализм новейшей формации есть несомненная европеизация России, консервативное западничество на русской почве. И Катков, идеолог национализма, был западником, никогда не был выразителем русского народного духа. Катков был апологетом и рабом какой-то чуждой государственности, какого-то «отвлеченного начала». Сверхнационализм, универсализм – такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма; в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира. Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России predetermined уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну. Россия не имеет корыстных стремлений.

Таков один тезис о России, который с правом можно было

высказать. Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национально-го бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия – «святая Русь». Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной – страной святых, живущей идеалами святости. Вл. Соловьев смеялся над уверенностью русского национального самомнения в том, что все святые говорили по-русски. Тот же Достоевский, который проповедовал всечеловека и призывал к вселенскому духу, проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром. Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире. Католичество совсем не признается христианством. И в этом всегда был один из духовных источников ложного отношения к польскому вопросу. Россия, по духу своему призван-

ная быть освободительницей народов, слишком часто бывала угнетательницей, и потому она вызывает к себе вражду и подозрительность, которые мы теперь должны еще победить.

Русская история явила совершенно исключительное зрелище – полнейшую национализацию церкви Христовой, которая определяет себя, как вселенскую. Церковный национализм – характерное русское явление. Им насквозь пропитано наше старообрядчество. Но тот же национализм царит и в господствующей церкви. Тот же национализм проникает и в славянофильскую идеологию, которая всегда подменяла вселенское русским. Вселенский дух Христов, мужественный вселенский логос пленен женственной национальной стихией, русской землей в ее языческой первородности. Так образовалась религия растворения в матери-земле, в коллективной национальной стихии, в животной теплоте. Русская религиозность – женственная религиозность – религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теплота мистическая. В ней слабо развито личное религиозное начало; она боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности. Такая религиозность отказывается от мужественного, активного духовного пути. Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт. В. В. Розанов в своем роде гениальный выразитель этой русской религии родовой плоти, религии размножения и уюта. Мать-земля для русского народа есть Рос-

сия. Россия превращается в Богородицу. Россия – страна богоносная. Такая женственная, национально-стихийная религиозность должна возлагаться на мужей, которые берут на себя бремя духовной активности, несут крест, духовно водительствоуют. И русский народ в своей религиозной жизни возлагается на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает лишь преклонение, как перед иконой. Русский народ не дерзает даже думать, что святым можно подражать, что святость есть внутренний путь духа, – это было бы слишком мужественно-дерзновенно. Русский народ хочет не столько святости, сколько преклонения и благоговения перед святостью, подобно тому как он хочет не власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени. Русский народ в массе своей ленив в религиозном восхождении, его религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный закал личности, чем жертва теплом и уютом национальной стихийной жизни. За смирение свое получает русский народ в награду этот уют и тепло коллективной жизни. Такова народная почва национализации церкви в России. В этом есть огромная примесь религиозного натурализма, предшествующего христианской религии духа, религии личности и свободы. Сама христианская любовь, которая существенно духовна и противоположна связям по плоти и крови, натурализировалась в этой религиозности, обратилась в любовь к «своему» человеку. Так крепнет религия плоти, а не духа, так охраня-

ется твердыня религиозного материализма. На необъятной русской равнине возвышаются церкви, поднимаются святые и старцы, но почва равнины еще натуралистическая, быт еще языческий.

Большое дело, совершенное Владимиром Соловьевым для русского сознания, нужно видеть прежде всего в его беспощадной критике церковного национализма, в его вечном призыве к вселенскому духу Христову, к освобождению Христова духа из плена у национальной стихии, стихии натуралистической. В реакции против церковного национализма Вл. Соловьев слишком склонялся к католичеству, но великая правда его основных стремлений и мотивов несомненна и будет еще признана Россией. Вл. Соловьев есть истинное противоядие против националистического антитезиса русского бытия. Его христианская правда в решении вопроса польского и еврейского всегда должна быть противопоставляема неправде Достоевского. Церковный национализм приводил к государственному порабощению церкви. Церковь, которая есть духовный, мистический организм, пассивно отдавалась синодальной власти немецкого образца. Загадочная антиномичность России в отношении к национальности связана все с тем же неверным соотношением мужественного и женственного начала, с неразвитостью и нераскрытостью личности, во Христе рожденной и призванной быть женой своей земли, светоносным мужем женственной национальной стихии, а не рабом ее.

Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе. Россия – страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе. Достоевский, по которому можно изучать душу России, в своей потрясающей легенде о Великом Инквизиторе был провозвестником такой дерзновенной и бесконечной свободы во Христе, какой никто еще в мире не решался утверждать. Утверждение свободы духа, как чего-то характерно-русского, всегда было существенной особенностью славянофильства. Славянофилы и Достоевский всегда противопоставляли внутреннюю свободу русского народа, его органическую, религиозную свободу, которую он не уступит ни за какие блага мира, внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибылью и земного благоустройства. Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей, нет деспотизма мещанской семьи. Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта,

от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник – свободен от «мира», и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града. Повесть о них можно прочесть в великой русской литературе. Странников в культурной, интеллигентной жизни называют то скитальцами русской земли, то отщепенцами. Есть они уже у Пушкина и Лермонтова, потом у Толстого и Достоевского. Духовные странники все эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версиловы и князь Андрей и Пьер Безухов. Странники града своего не имеют, они града грядущего ищут. Вл. Соловьев всегда чувствовал себя не обывателем и мещанином этой земли, а лишь пришельцем и странником, не имеющим своего дома. Таков был Сковорода – странник-мудрец из народа в XVIII веке. Духовное странствование есть в Лермонтове, в Гоголе, есть в Л. Толстом и Достоевском, а на другом конце – у русских анархистов и революционеров, стремящихся по-своему к абсолютному,

выходящему за грани всякой позитивной и зримой жизни. То же есть и в русском сектантстве, в мистической народной жажде, в этом исступленном желании, чтобы «накатил Дух». Россия – фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна Кондратия Селиванова и Григория Распутина, страна самозванцев и пугачевщины. Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалится о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутолимость и неудовлетворимость ничем временным, относительным и условным. Все дальше и дальше должно идти, к концу, к пределу, к выходу из этого «мира», из этой земли, из всего местного, мещанского, прикрепленного. Не раз уже указывали на то, что сам русский атеизм религиозен. Героически настроенная интеллигенция шла на смерть во имя материалистических идей. Это странное противоречие будет понято, если увидеть, что под материалистическим обличьем она стремилась к абсо-

лютному. Славянский бунт – пламенная, огненная стихия, неведомая другим расам. И Бакунин в своей пламенной жажде мирового пожара, в котором все старое должно сгореть, был русским, славянином, был мессианистом. Таков один из тезисов о душе России. Русская народная жизнь с ее мистическими сектами, и русская литература, и русская мысль, и жуткая судьба русских писателей, и судьба русской интеллигенции, оторвавшейся от почвы и в то же время столь характерно национальной, все, все дает нам право утверждать тот тезис, что Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы.

А вот и антитезис. Россия – страна неслыханного сервизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти. Россия – страна купцов, погруженных в тяжелую плоть, стяжателей, консервативных до неподвижности, страна чиновников, никогда не переступающих пределов замкнутого и мертвого бюрократического царства, страна крестьян, ничего не желающих, кроме земли, и принимающих христианство совершенно внешне и корыстно, страна духовенства, погруженного в материальный быт, страна обрядоведения, страна интеллигентщины, инертной и консервативной

в своей мысли, зараженной самыми поверхностными материалистическими идеями. Россия не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности. Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью. Все наши сословия, наши почвенные слои: дворянство, купечество, крестьянство, духовенство, чиновничество, – все не хотят и не любят восхождения; все предпочитают оставаться в низинах, на равнине, быть «как все». Везде личность подавлена в органическом коллективе. Почвенные слои наши лишены правосознания и даже достоинства, не хотят самостоятельности и активности, всегда полагаются на то, что другие все за них сделают. И наш политический революционизм как-то несвободен, бесплоден и инертен мыслью. Русская радикально-демократическая интеллигенция, как слой кристаллизованный, духовно консервативна и чужда истинной свободе; она захвачена скорее идеей механического равенства, чем свободы. Иным кажется, что Россия обречена на рабство и что нет выхода для нее к свободной жизни. Можно подумать, что личность не проснулась еще не только в России консервативной, но и в России революционной, что Россия все еще остается страной безличного коллектива. Но необходимо понять, что исконный русский коллективизм есть лишь преходящее явление первоначальной стадии натуральной эволюции, а не вечное явление духа.

Как понять эту загадочную противоречивость России, эту одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов? И здесь, как и везде, в вопросе о свободе и рабстве души России, о ее странничестве и ее неподвижности, мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного. Корень этих глубоких противоречий – в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоєм, потому что мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного. В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне. С этим связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, западным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину. Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность. Возвращение к собственной почве, к своей национальной стихии так легко принимает в России характер порабощенности, приводит к бездвижности, обращается в реакцию. Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-

чиновник и владеет ею. В жизни духа владеют ею: то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж. Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилистическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицала культуру. Бог Аполлон, бог мужественной формы, все не сходил в дионисическую Россию. Русский дионисизм – варварский, а не эллинский. И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания. И я хочу верить, что нынешняя мировая война выведет Россию из этого безвыходного круга, пробудит в ней мужественный дух, покажет миру мужественный лик России, установит внутренне должное отношение европейского Востока и европейского Запада.

II

Ныне разразилась, наконец, давножданная мировая борьба славянской и германской расы. Давно уже германизм проникал в недра России, незаметно германизировал русскую государственность и русскую культуру, управлял телом и душой России. Ныне германизм открыто идет войной на славянский мир. Германская раса – мужественная, самоуверенно и ограниченно мужественная. Германский мир чувствует женственность славянской расы и думает, что он должен владеть этой расой и ее землей, что только он силен сделать эту землю культурной. Давно уже германизм подсылал своих свах, имел своих агентов и чувствовал Россию предназначенной себе. Весь петербургский период русской истории стоял под знаком внутреннего и внешнего влияния немцев. Русский народ почти уже готов был примириться с тем, что управлять им и цивилизовать его могут только немцы. И нужна была совершенно исключительная мировая катастрофа, нужно было сумасшествие германизма от гордости и самомнения, чтобы Россия осознала себя, страхнула с себя пассивность, разбудила в себе мужественные силы и почувствовала себя призванной к великим делам в мире. В мировой борьбе с германской расой нельзя противопоставить ей одну женственность и покорность славян. Нужно раскрыть в себе мужественный лик под угрозой поглощения

германизмом. Война мира славянского и мира германского не есть только столкновение вооруженных сил на полях битвы; она глубже, это — духовная война, борьба за господство разного духа в мире, столкновение и переплетение восточного и западного христианского мира. В этой великой, поистине мировой брани Россия не может не осознать себя. Но самосознание ее должно быть и ее самоочищением. Самосознание предполагает самокритику и самообличение. Никогда бахвальство не было самосознанием, оно может быть лишь полным затмением. Блестящий пример полной утери истинного самосознания и полной тьмы от бахвальства и самомнения являет ныне Германия. Мужественное, светоносное сознание народа — всегда критическое, всегда освобождающее от собственной тьмы и порабощенности, всегда есть овладение хаотическими в себе стихиями. И самосознание России должно быть прежде всего освобожденным от подвластности и порабощенности у собственной национальной стихии. А это значит, что русский народ в отношении к своей русской земле должен быть мужествен и светносен, должен владеть землей и оформлять ее хаотические стихии, а не растворяться в ней, не пассивно ей отдаваться. Это значит также, что человеческое призвано господствовать над природным, а не природное над человеческим. Россия жила слишком природной, недостаточно человеческой жизнью, слишком родовой, недостаточно личной жизнью. Личное человеческое начало все еще не овладевало безличными при-

родными стихиями земли. Эту свою исконную родовую биологию Россия переживала как исконную свою коллективную мистику и в лице иных своих идеологов видела в этом свое преимущество перед Западной Европой. Россия в массе своей исповедовала религию родовой плоти, а не религию духа, смешивала родовой, природный коллективизм с коллективизмом духовным, сверхприродным. Но таинственная страна противоречий, Россия таила в себе пророческий дух и предчувствие новой жизни и новых откровений.

В этот решительный для русского сознания час необходимо ясно и мужественно сознать подстерегающие нас опасности. Война может принести России великие блага, не материальные только, но и духовные блага. Она пробуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду, мелкие счеты партий, выявляет лик России, кует мужественный дух. Война изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свергает фальшивые святыни. Она – великая проявительница. Но она несет с собой и опасности. Россия может попасть в плен ложного национализма и истинно немецкого шовинизма. Она может плениться идеалами мирового господства не русского по духу, чуждого славянской расе. Война несет с собой опасность огрубения. И всего более должна быть Россия свободна от ненависти к Германии, от порабощающих чувств злобы и мести, от того отрицания ценного в духовной культуре врага, которое есть лишь другая форма рабства. Хочется ве-

ритель, что всего этого не будет, но нехорошо закрывать себе глаза на эти возможности. В русской национальной стихии есть какая-то вечная опасность быть в плену, быть покорной тому, что вне ее. И истинным возрождением России может быть лишь радикальное освобождение от всякого плена, от всякой подавленности и порабощенности внешнему, внеположному, инородному, т. е. раскрытие в себе внутренней мужественности, внутреннего света, духа царственного и творящего. Война должна освободить нас, русских, от рабского и подчиненного отношения к Германии, от нездорового, надрывного отношения к Западной Европе, как к чему-то далекому и внешнему, предмету то страстной влюбленности и мечты, то погромной ненависти и страха. Западная Европа и западная культура станут для России имманентной; Россия станет окончательно Европой, и именно тогда она будет духовно самобытной и духовно независимой. Европа перестанет быть монополистом культуры. Мировая война, в кровавый круговорот которой вовлечены уже все части света и все расы, должна в кровавых муках родить твердое сознание всечеловеческого единства. Культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству. Мировая война жизненно подводит нас к проблеме русского мессианизма.

Мессианское сознание не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму; это – универсальное сознание. Мессианское сознание имеет свои корни в религиозном сознании еврейского народа, в переживании Израилем своей богоизбранности и единственности. Мессианское сознание есть сознание избранного народа Божьего, народа, в котором должен явиться Мессия и через который должен быть мир спасен. Богоизбранный народ – мессия среди народов, единственный народ с мессианским призванием и предназначением. Все другие народы – низшие народы, не избранные, народы с обыкновенной, не мистической судьбой. Все народы имеют свое призвание, свое назначение в мире, – но только один народ может быть избран для мессианской цели. Народ мессианского сознания и назначения также один, как один Мессия. Мессианское сознание – мировое и сверхнациональное. В этом есть аналогия с идеей римской империи, которая также универсальна и сверхнациональна, как и древнееврейский мессианизм. Это всемирное по своим притязаниям мессианское сознание евреев было оправдано тем, что Мессия явился в недрах этого народа, хотя и был отвергнут им. Но, после явления Христа, мессианизм в древнееврейском смысле становится уже невозможным для христианского мира. Для христианина нет ни эллина, ни иудея. Одного избранного народа Божьего не может быть в христианском мире. Христос пришел для всех народов, и все народы имеют перед судом хри-

стианского сознания свою судьбу и свой удел. Христианство не допускает народной исключительности и народной гордости, осуждает то сознание, по которому мой народ выше всех народов и единственный религиозный народ. Христианство есть окончательное утверждение единства человечества, духа всечеловечности и всемирности. И это было вполне осознано католичеством, хотя и скреплено с относительными телесно-историческими явлениями (папизм). Мессианское сознание есть сознание пророческое, мессианское самочувствие – пророческое самочувствие. В нем – соль религиозной жизни, и соль эта получена от еврейского народа. Это пророческое мессианское сознание не исчезает в христианском мире, но претворяется и преобразуется. И в христианском мире возможен пророческий мессианизм, сознание исключительного религиозного призвания какого-нибудь народа, возможна вера, что через этот народ будет сказано миру слово нового откровения. Но христианский мессианизм должен быть очищен от всего не христианского, от национальной гордости и самомнения, от сбивания на путь старого еврейского мессианизма, с одной стороны, и нового исключительного национализма – с другой. Христианское мессианское сознание не может быть утверждением того, что один лишь русский народ имеет великое религиозное призвание, что он один – христианский народ, что он один избран для христианской судьбы и христианского удела, а все остальные народы – низшие, не христианские и лишены религиозного при-

звания. В таком самомнении нет ничего христианского. Ничего христианского не было в вечном припеве славянофилов о гниении Запада и отсутствии у него христианской жизни. Такая юдаизация христианства возвращает нас от Нового Завета к Ветхому Завету. Юдаизм в христианстве есть подстерегающая опасность, от которой нужно очищаться. А всякий исключительный религиозный национализм, всякое религиозно-национальное самомнение есть юдаизм в христианстве. Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства. И в русском христианстве есть много юдаистических элементов, много ветхозаветного.

Христианское мессианское сознание может быть лишь сознанием того, что в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал его уже мир латинский и мир германский. Славянская раса, во главе которой стоит Россия, должна раскрыть свои духовные потенции, выявить свой пророчесственный дух. Славянская раса идет на смену другим расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку; это – раса будущего. Все великие народы проходят через мессианское сознание. Это совпадает с периодами особенного духовного подъема, когда судьбами истории данный народ призывается совершить что-либо великое и новое для мира. Такое мессианское сознание было в Германии в начале XIX века. А ныне мы присутствуем при конце германского мессианизма, при полном исчерпании его духовных сил. В христианской истории нет

одного избранного народа Божьего, но разные народы в разное время избираются для великой миссии, для откровений духа. В России давно уже нарождалось пророческое чувство: то, что настанет час истории, когда она будет призвана для великих откровений духа, когда центр мировой духовной жизни будет в ней. Это не еврейский мессианизм. Такое пророческое чувство не исключает великого избрания и предназначения других народов; оно есть лишь продолжение и восполнение дел, сотворенных всеми народами христианского мира. Это русское мессианское сознание было замутнено, пленено языческой национальной стихией и искажено пережитками сознания юдаистического. Русское сознание должно очиститься и освободиться от этого языческого и юдаистического плена. А это значит, что русская мысль и русская жизнь должны быть радикально освобождены от мертвенных и мертвящих сторон славянофильства, не только официального, но и народного. В славянофильстве была своя правда, которую всегда хорошо было противопоставлять западничеству. Она сохранится. Но много было фальши и лжи, много рабства у материального быта, много «возвышающих обманов» и идеализаций, задерживающих жизнь духа.

Россия не может определять себя как Восток и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем. Владимир Соловьев духовно покончил со старым

славянофильством, с его ложным национализмом и исключительным восточничеством. И после дела Вл. Соловьева христианский универсализм должен считаться окончательно утвержденным в сознании. Всякий партикуляризм по существу не христианской природы. Исключительное господство восточной стихии в России всегда было рабством у женственного природного начала и кончалось царством хаоса, то реакционного, то революционного. Россия, как самоутверждающийся Восток, Россия национально самодовольная и исключительная – означает нераскрытость, невыявленность начала мужественного, человеческого и личного рабства у начала природно-стихийного, национально родового, традиционно-бытового. В сознании религиозном это означает абсолютизацию и обожествление телесно-относительного, довольство животной теплотой национальной плоти. В этом – вечный соблазн и великая опасность России. Женственность славян делает их мистически чуткими, способными прислушиваться к внутренним голосам. Но исключительное господство женственной стихии мешает им выполнить свое призвание в мире. Для русского мессианизма нужен мужественный дух, без него опять и опять будет провал в эту пленительную и затягивающую первородную стихию русской земли, которая ждет своего просветления и оформления. Но конец славянофильства есть также конец и западничества, конец самого противоположения Востока и Запада. И в западничестве был партикуляризм и провинци-

ализм, не было вселенского духа. Западничество означало какое-то нездоровое и немужественное отношение к Западу, какую-то несвободу и бессилие почувствовать себя действенной силой и для самого Запада. Русское самосознание не может быть ни славянофильским, ни западничеством, так как обе эти формы означают несовершеннолетие русского народа, его незрелость для жизни мировой, для мировой роли. На Западе не может быть западничества, там невозможна эта мечта о Западе, как о каком-то высшем состоянии. Высшее состояние не есть Запад, как не есть и Восток; оно не географично и материально ничем не ограничено. Мировая война должна преодолеть существование России, как исключительного Востока, и Европы, как исключительного Запада. Человечество выйдет из этих ограничений. Россия выйдет в мировую жизнь определяющей силой. Но мировая роль России предполагает пробуждение в ней творческой активности человека, выход из состояния пассивности и растворенности. Уже в Достоевском, вечно двоящемся, есть пророчество об откровении человека, об исключительном по остроте антропологическом сознании. Истинный русский мессианизм предполагает освобождение религиозной жизни, жизни духа от исключительной закрепощенности у начал национальных и государственных, от всякой прикованности к материальному быту. Россия должна пройти через религиозную эмансипацию личности. Русский мессианизм опирается прежде всего на русское странничество, скитальчество и искание, на

русскую мятежность и неутолимость духа, на Россию пророческую, на русских – града своего не имеющих, града грядущего взыскующих. Русский мессианизм не может быть связан с Россией бытовой, инертно-косной, Россией, отяжелевшей в своей национальной плоти, с Россией, охраняющей обрядоверие, с русскими – довольными своим градом, градом языческим, и страшящимися града грядущего.

Все своеобразие славянской и русской мистики – в ис­кании града Божьего, града грядущего, в ожидании со­ше­ствия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности. Эти апокалиптические, пророчес­твенные ожидания находятся в противоречии с тем чувством, что русские уже град свой имеют и что град этот – «святая Русь». А на этом бытовом и удовлетворенном чувстве основывалось в значительной степени славянофильство и основывается вся наша правая религиозно-национальная идеология. Религия священства – охранения того, что есть, сталкивается в духе России с религией пророчества – взыскания грядущей правды. Здесь одно из коренных противоречий России. И если можно многое привести в защиту того тезиса, что Россия – страна охранения религиозной святости по преимуществу и в этом ее религиозная миссия, то не меньше можно привести в защиту того антитезиса, что Россия по преимуществу страна религиозного алкания, духовной жажды, пророческих предчувствий и ожиданий. В лице Достоевского воплощена эта

религиозная антиномия России. У него два лика: один обращен к охранению, к закреплению национально-религиозного быта, выдаваемого за подлинное бытие, – образ духовной сытости, а другой лик – пророческий, обращенный к граду грядущему, – образ духовного голода. Противоречие и противоборство духовной сытости и духовного голода – основное для России, и из него объяснимы многие другие противоречия России. Духовная сытость дается пассивной отдачей себя женственной национальной стихии. Это не есть еще насыщение Божественной пищей, это все еще натуралистическое насыщение. Духовный голод, неудовлетворенность натуралистической национальной пищей, есть знак освобождения мужественного начала личности. То же противоречие, которое мы видим в национальном гении Достоевского, видим мы и в русской народной жизни, в которой всегда видны два образа. Духовная сытость, охранение старого, бытовое и внешне-обрядовое понимание христианства – один образ народной религиозной жизни. Духовный голод, пророческие предчувствия, мистическая углубленность на вершинах православия в иных сторонах нашего сектантства и раскола, в странничестве – другой образ народной религиозной жизни. Русская мистика, русский мессианизм связаны со вторым образом России, с ее духовным голодом и жаждой божественной правды на земле, как и на небе. Апокалиптическая настроенность глубоко отличает русскую мистику от мистики германской, которая есть лишь погружение в глу-

бину духа и которая никогда не была устремлением к Божьему граду, к концу, к преображению мира. Но русская апокалиптическая настроенность имеет сильный уклон к пассивности, к выжидательности, к женственности. В этом сказывается характерная особенность русского духа. Пророческая русская душа чувствует себя пронизанной мистическими токами. В народной жизни это принимает форму ужаса от ожидания антихриста. В последнее время эти подлинные народные религиозные переживания проникли и в наши культурные религиозно-философские течения, но уже в отраженной и слишком стилизованной, искусственной форме. Образовался даже эстетический культ религиозных ужасов и страхов, как верный признак мистической настроенности. И в этом опять нет того мужественного, активного и творящего духа, который всего более нужен России для выполнения мировой задачи, к которой она призвана. Россия пророческая должна перейти от ожидания к созиданию, от жуткого ужаса к духовному дерзновению. Слишком ясно, что Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада, отличается не только по отсталости своей, а по духу своему.

Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-истори-

ческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти². Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем. А история культуры и общности вся ведь в среднем и относительном; она не абсолютна и не конечна. Так как царство Божие есть царство абсолютного и конечного, то русские легко отдают все относительное и среднее во власть царства дьявола. Черта эта очень национально-русская. Добыть себе относительную общественную свободу русским трудно не потому только, что в русской природе есть пассивность и подавленность, но и потому, что русский дух жаждет абсолютной Божественной свободы. Поэтому же трудно русским создавать относительную культуру, которая всегда есть дело предпоследнее, а не последнее. Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и в относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны. Тут скрыт один из глубочайших мотивов славянофильства. Славянофилы хотели оставить русскому народу свободу религиозной совести, свободу думы, свободу духа, а всю остальную жизнь отдать во власть силы, неограниченно управляющей русским народом. Достоевский в легенде о «Великом Инквизиторе» провозгласил неслыханную свободу духа, абсолютную рели-

² Русская революция наглядно показала всю опасность русской абсолютности.

гиозную свободу во Христе. И Достоевский же готов был не только покорно мириться, но и защищать общественное рабство. По-иному, но та же русская черта сказалась и у наших революционеров-максималистов, требующих абсолютного во всякой относительной общественности и не способных создать свободной общественности. Тут мы с новой стороны подходим к основным противоречиям России. Это все та же разобщенность мужественного и женственного начала в недрах русской стихии и русского духа. Русский дух, устремленный к абсолютному во всем, не овладевает мужественно сферой относительного и срединного, он отдается во власть внешних сил. Так в срединной культуре он всегда готов отдаться во власть германизма, германской философии и науки. То же и в государственности, по существу срединной и относительной. Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной. Поэтому святая Русь имела всегда обратной своей стороной Русь звериную. Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и зверского и недостаточно раскрывала в себе человеческое. Ангельская святость и зверская низость – вот вечные колебания русского народа, неведомые более средним западным народам. Русский человек упоен святостью, и он же упоен грехом, низостью. Смиренная греховность, не дерзающая слиш-

ком подыматься, так характерна для русской религиозности. В этом чувствуется упоение от погружения в теплую национальную плоть, в низинную земляную стихию. Так и само пророческое мессианское в русском духе, его жажда абсолютного, жажда преображения, оборачивается какой-то порабощенностью. Я пытался характеризовать все противоречия России и свести их к единству. Это путь к самосознанию, к осознанию того, что нужно России для раскрытия ее великих духовных потенций, для осуществления ее мировых задач.

Как человек должен относиться к земле своей, русский человек к русской земле? Вот наша проблема. Образ родной земли не есть только образ матери, это также образ невесты и жены, которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным светоносным и оформляющим началом, и образ дитяти. Прежде всего человек должен любить свою землю, любить во всех ее противоречиях, с ее грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилен что-нибудь сотворить, бессилен овладеть землей. Без стихии земли мужественный дух бессилен. Но любовь человека к земле не есть рабство человека у земли, не есть пассивное в нее погружение и растворение в ее стихии. Любовь человека к земле должна быть мужественной. Мужественная любовь есть выход из натуралистической зависимости, из родовой погруженности в стихийный первородный коллективизм. В России все еще слишком господствует не только натураль-

ное хозяйство в ее материальной жизни, но и натуральное хозяйство в ее духовной жизни. Из этого периода натурального хозяйства в муках выходит русский народ, и процесс этот болезнен и мучителен. Русское отщепенство и скитальчество связано с этим отрыванием от родовой натуралистической зависимости, принятой за высшее состояние. Отрыв этот не есть отрыв от родной земли. И русские отщепенцы и скитальцы остаются русскими, характерно национальными. Наша любовь к русской земле, многострадальной и жертвенной, превышает все эпохи, все отношения и все идеологические построения. Душа России – не буржуазная душа, – душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно. Россия дорога и любима в самих своих чудовищных противоречиях, в загадочной своей антиномичности, в своей таинственной стихийности. Это все почувствовали, когда началась война.

Но русская стихия требует оформляющего и светонесущего логоса. Недостаток мужественного характера и того закала личности, который на Западе вырабатывался рыцарством, – самый опасный недостаток русских, и русского народа и русской интеллигенции. Сама любовь русского человека к родной земле принимала форму, препятствующую развитию мужественного личного духа. Во имя этой любви, во имя припадания к лону матери отвергалось в России рыцарское начало. Русский дух был окутан плотным покровом национальной материи, он тонул в теплой и влажной плоти.

Русская душевность, столь хорошо всем известная, связана с этой теплотой и влажностью; в ней много еще плоти и недостаточно духа. Но плоть и кровь не наследуют вечности, и вечной может быть лишь Россия духа. Россия духа может быть раскрыта лишь путем мужественной жертвы жизнью в животной теплоте коллективной родовой плоти. Тайна России может быть разгадана лишь освобождением ее от искажающего рабства у темных стихий. В очистительном огне мирового пожара многое сгорит, истлеют ветхие материальные одежды мира и человека. И тогда возрождение России к новой жизни может быть связано лишь с мужественными, активными и творящими путями духа, с раскрытием Христа внутри человека и народа, а не с натуралистической родовой стихией, вечно влекущей и порабащающей. Это – победа огня духа над влагой и теплом душевной плоти. В России в силу религиозного ее характера, всегда устремленного к абсолютному и конечному, человеческое начало не может раскрыться в форме гуманизма, т. е. безрелигиозно. И на Западе гуманизм исчерпал, изжил себя, пришел к кризису, из которого мучительно ищет западное человечество выхода. Повторять с запозданием западный гуманизм Россия не может. В России откровение человека может быть лишь религиозным откровением, лишь раскрытием внутреннего, а не внешнего человека, Христа внутри. Таков абсолютный дух России, в котором все должно идти от внутреннего, а не внешнего. Таково призвание славянства. В него можно толь-

ко верить, его доказать нельзя. Русский народ нужно более всего призывать к религиозной мужественности не на войне только, но и в жизни мирной, где он должен быть господином своей земли. Мужественность русского народа не будет отвлеченной, оторванной от женственности, как у германцев. Есть тайна особенной судьбы в том, что Россия с ее аскетической душой должна быть великой и могущественной. Не слабой и маленькой, а сильной и большой победит она соблазн царства этого мира. Лишь жертвенность большого и сильного, лишь свободное его уничтожение в этом мире спасает и искупляет. Русское национальное самосознание должно полностью вместить в себя эту антиномию: русский народ по духу своему и по призванию своему сверхгосударственный и сверхнациональный народ, по идее своей не любящий «мира» и того, что в «мире», но ему дано могущественнейшее национальное государство для того, чтобы жертва его и отречение были вольными, были от силы, а не от бессилия. Но антиномия русского бытия должна быть перенесена внутрь русской души, которая станет мужественно-жертвенной, в себе самой изживающей таинственную свою судьбу. Раскрытие мужественного духа в России не может быть прививкой к ней срединной западной культуры. Русская культура может быть лишь конечной, лишь выходом за грани культуры. Мужественный дух потенциально заключен в России пророческой, в русском странничестве и русском искании правды. И внутренне он соединится с женственностью русской земли.

О «вечно бабьем» в русской душе

I

Вышла книга В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение». Книга – блестящая и возмущающая. Розанов – сейчас первый русский стилист, писатель с настоящими проблесками гениальности. Есть у Розанова особенная, таинственная жизнь слов, магия словосочетаний, притягивающая чувственность слов. У него нет слов отвлеченных, мертвых, книжных. Все слова – живые, биологические, полнокровные. Чтение Розанова – чувственное наслаждение. Трудно передать своими словами мысли Розанова. Да у него и нет никаких мыслей. Все заключено в органической жизни слов и от них не может быть оторвано. Слова у него не символы мысли, а плоть и кровь. Розанов – необыкновенный художник слова, но в том, что он пишет, нет аполлонического претворения и оформления. В ослепительной жизни слов он дает сырье своей души, без всякого выбора, без всякой обработки. И делает он это с даром единственным и неповторимым. Он презирует всякие «идеи», всякий логос, всякую активность и сопротивляемость духа в отношении к душевному и жизненному процессу. Писательство для него есть биологическое отправление его организма. И он никогда не со-

противляется никаким своим биологическим процессам, он их непосредственно заносит на бумагу, переводит на бумагу жизненный поток. Это делает Розанова совершенно исключительным, небывалым явлением, к которому трудно подойти с обычными критериями. Гениальная физиология розановских писаний поражает своей безыдейностью, беспринципностью, равнодушием к добру и злу, неверностью, полным отсутствием нравственного характера и духовного упора. Все, что писал Розанов, – писатель богатого дара и большого жизненного значения, – есть огромный биологический поток, к которому невозможно приставать с какими-нибудь критериями и оценками.

Розанов – это какая-то первородная биология, переживаемая, как мистика. Розанов не боится противоречий, потому что противоречий не боится биология, их боится лишь логика. Он готов отрицать на следующей странице то, что сказал на предыдущей, и остается в целостности жизненного, а не логического процесса. Розанов не может и не хочет противостоять наплыву и напору жизненных впечатлений, чувственных ощущений. Он совершенно лишен всякой мужественности духа, всякой активной силы сопротивления стихиям ветра, всякой внутренней свободы. Всякое жизненное дуновение и ощущение превращают его в резервуар, принимающий в себя поток, который потом с необычайной быстротой переливается на бумагу. Такой склад природы принуждает Розанова всегда преклоняться перед фактом, силой и исто-

рийей. Для него сам жизненный поток в своей мощи и есть Бог. Он не мог противостоять потоку националистической реакции 80-х годов, не мог противостоять потоку декадентства в начале XX века, не мог противостоять революционному потоку 1905 г., а потом новому реакционному потоку, напору антисемитизма в эпоху Бейлиса, наконец, не может противостоять могучему потоку войны, подъему героического патриотизма и опасности шовинизма.

Многих пленяет в Розанове то, что в писаниях его, в своеобразной жизни его слов чувствуется как бы сама мать-природа, мать-земля и ее жизненные процессы. Розанова любят потому, что так устали от отвлеченности, книжности, оторванности. В его книгах как бы чувствуют больше жизни. И готовы простить Розанову его чудовищный цинизм, его писательскую низость, его неправду и предательство. Православные христиане, самые нетерпимые и отлучающие, простили Розанову все, забыли, что он много лет хулил Христа, кощунствовал и внушал отвращение к христианской святыне. Розанов все-таки свой человек, близкий биологически, родственник, дядюшка, вечно упоенный православным бытом.

Он, в сущности, всегда любил православие без Христа и всегда оставался верен такому языческому православию, которое ведь много милее и ближе, чем суровый и трагический дух Христов. В Розанове так много характерно-русского, истинно русского. Он – гениальный выразитель какой-то сто-

роны русской природы, русской стихии. Он возможен только в России. Он зародился в воображении Достоевского и даже превзошел своим неправдоподобием все, что представлялось этому гениальному воображению. А ведь воображение Достоевского было чисто русское, и лишь до глубины русское в нем зарождалось. И если отрадно иметь писателя, столь до конца русского, и поучительно видеть в нем обнаружение русской стихии, то и страшно становится за Россию, жутко становится за судьбу России. В самых недрах русского характера обнаруживается вечно бабье, не вечно женственное, а вечно бабье. Розанов – гениальная русская баба, мистическая баба. И это «бабье» чувствуется и в самой России.

II

Книга Розанова о войне заканчивается описанием того потока ощущений, который хлынул в него, когда он однажды шел по улице Петрограда и встретил полк конницы. «Я все робко смотрел на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелых всадников, из которых каждый был так огромен сравнительно со мной!.. Малейшая неправильность движения – и я раздавлен... Чувство своей подавленности более и более входило в меня. Я чувствовал себя обвеянным чужою силой, до того огромною, что мое „я“ как бы уносилось пушинкою в вихрь этой огромности и этого множества... Когда я вдруг начал чувствовать, что не только „боюсь“, но и обворожен

ими, зачарован странным очарованием, которое только один раз – вот этот – испытал в жизни. Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было предо мною, как бы изменила структуру моей организации и отбросила, опрокинула эту организацию – в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне – любовью... Мне хотелось бы, чтобы они были еще огромнее, чтобы их было еще больше... Этот колосс физиологии, колосс жизни и должно быть источник жизни – вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности и ненасытного желания „побыть вблизи“, видеть, не спускать глаз... Определенно – это было начало влюбления „девушки“ (с. 230—232)». И Розанов восклицает: «Сила – вот одна красота в мире... Сила – она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, – молятся... Молятся вообще „слабые“ – „мы“, вот „я“ на тротуаре... В силе лежит тайна мира... Огромное сильное... Голова была ясна, а сердце билось... как у женщины. Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...» (с. 233—234). Это замечательное описание дает ощущение прикосновения если не к «тайне мира и истории», как претендует Розанов, то к какой-то тайне русской истории и русской души. Женственность Розанова, так художественно переданная, есть также женственность души русского народа. История образования русской государственности, величайшей в мире государственности,

столь непостижимая в жизни безгосударственного русского народа, может быть понята из этой тайны. У русского народа есть государственный дар покорности, смирения личности перед коллективом. Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет «сила», он ощущает себя розановским «я на тротуаре» в момент прохождения конницы. Сам Розанов на протяжении всей книги остается этим трепещущим «я на тротуаре». Для Розанова не только суть армии, но и суть государственной власти в том, что она «всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...». И он хочет показать, что весь русский народ так относится к государственной власти. В книге Розанова есть изумительные, художественные страницы небывалой апологии самодовлеющей силы государственной власти, переходящей в настоящее идолопоклонство. Подобного поклонения государственной силе, как мистическому факту истории, еще не было в русской литературе. И тут вскрывается очень интересное соотношение Розанова со славянофилами.

III

Книга Розанова свидетельствует о возрождении славянофильства. Оказывается, что славянофильство возродила война, и в этом – основной смысл войны. Розанов решитель-

но начинает за здравие славянофильства. И сам он повторяет славянофильские зады, давно уже отвергнутые не «западнической» мыслью, а мыслью, продолжавшей дело славянофилов. После В. Соловьева нет уже возврата к старому славянофильству. Но еще более, чем мыслью, опровергнуты славянофильские зады жизнью. Розанову кажется, что патриотический и национальный подъем, вызванный войною, и есть возрождение славянофильства. Я думаю, что нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские, и западнические платформы и обязывает нас к творчеству нового самосознания и новой жизни. И мучительно видеть, что нас тянут назад, к отживающим формам сознания и жизни. Мировая война, конечно, приведет к преодолению старой постановки вопроса о России и Европе, о Востоке и Западе. Она прекратит внутреннюю распрю славянофилов и западников, упразднив и славянофильство, и западничество, как идеологии провинциальные, с ограниченным горизонтом.

Неужели мировые события, исключительные в мировой истории, ничему нас не научат, не приведут к рождению нового сознания и оставят нас в прежних категориях, из которых мы хотели вырваться до войны? Русское возрождение не может быть возрождением славянофильства, оно будет концом и старого славянофильства и старого западничества, началом новой жизни и нового осознания. Розанова же война вдохновила лишь на повторение в тысячный раз старых

слов, потерявших всякий вкус и аромат: вся русская история есть тихая, безбурная; все русское состояние – мирное, безбурное. Русские люди – тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, добрых людей. Русские люди – «славные» (с. 51). Но с не меньшим основанием можно было бы утверждать, что русская душа – мятежная, ищущая, душа странническая, взыскующая нового Града, никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным. Из этой прославленной и часто фальшиво звучащей «тихости, безбурности и славности» рождается инерция, которая мила вечно бабьему сердцу Розанова, но никогда не рождается новой, лучшей жизни. В розановской стихии есть вечная опасность, вечный соблазн русского народа, источник его бессилия стать народом мужественным, свободным, созревшим для самостоятельной жизни в мире. И ужасно, что не только Розанов, но и другие, призванные быть выразителями нашего национального сознания, тянут нас назад и вниз, отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности. Не только вечное, но и слишком временное, старое и устаревшее в славянофильстве хотели бы восстановить С. Булгаков, В. Иванов, В. Эрн. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противопоставит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри. И мир

внутри России, преодоление вражды и злобы делают невозможным именно Розанов и ему подобные. Эти люди странно понимают взаимное примирение и воссоединение враждующих партий и направлений, так понимают, как понимают католики соединение церквей, т. е. исключительно присоединение к одной стороне, на которой вся полнота истины. Этот старый способ не замирит исторической распри «правого» и «левого» лагеря. Покаяние должно быть взаимным, и амнистия должна быть взаимной, и согласие на самоограничение и жертву должно быть взаимным. Верилось, что война приведет к этому, но пока этого нет, и наши националистические идеологи мешают этому. Розановские настроения служат делу злобы, а не мира.

Начав за здравие славянофилов, Розанов кончает за упокой. Он отдает решительное предпочтение России официальной и государственной перед Россией народной и общественной, и славянофильству официальному перед славянофильством общественным. Славянофилы считали русский народ – народом безгосударственным, и очень многое на этом строили. Розанов, напротив, считает русский народ народом государственным по преимуществу. В государственности Розанова, которая для него самого является неожиданностью, ибо в нем самом всего менее было государственности и гражданственности, – он всегда был певцом частного быта, семейного родового уклада, – чувствуется приспособление к духу времени, бабья неспособность противосто-

ять потоку впечатлений нынешнего дня. Мнение славянофилов о безгосударственности русского народа требует больших корректоров, так как оно слишком не согласуется с русской историей, с фактом создания великого русского государства.

Но способ, которым Розанов утверждает государственность и поклоняется его силе, совсем не государственный, совсем не гражданский, совсем не мужественный. Розановское отношение к государственной власти есть отношение безгосударственного, женственного народа, для которого эта власть есть всегда начало вне его и над ним находящееся, инородное ему. Розанов, как и наши радикалы, безнадежно смешивает государство с правительством и думает, что государство – это всегда «они», а не «мы». Что-то рабье есть в словах Розанова о государственности, какая-то вековая отчужденность от мужественной власти. Это какое-то мление, недостойное народа, призванного к существованию совершеннолетнему, мужественно-зрелому. В своем рабьем и бабьем млении перед силой государственности, импонирующей своей далекостью и чуждостью, Розанов доходит до того, что прославляет официальную правительственную власть за ее гонения против славянофилов. Новый поток впечатлений хлынул на Розанова. Славянофилы, которые в начале книги выражали Россию и русский народ, в конце книги оказываются кучкой литераторов, полных самомнения и оторванных от жизни. Истинным выразителем России и русско-

го народа было официальное правительство, которому славянофилы осмеливались оказывать оппозицию. «Славянофильство умерло, потому что оно оказалось не нужным и напрасным, только мешающим в параллельной мысли тому „официальному правительству“, которое *одно* и могло *сделать*... Они (славянофилы) были именно малодушны о Русской истории, твердя, но отвлеченно, о ней, что она святая... Святая Русь им казалась менее умной и менее правдивой, чем их литературная и общественная партия. И вот откуда на них гонение, довольно понятное» (с. 122). Возрождение славянофильства оказывается совсем ненужным. Государственная власть и была истинным славянофильством, рядом с которым жалко и не нужно славянофильство литературное, идеологическое. Славянофильство воскреснет лишь под тем условием, что оно покается перед официальным правительством и пойдет за ним. Идолопоклонство перед фактом, как силой, достигло завершения.

Славянофилы не были способны на такое идолопоклонство и потому были бессильны. «Пятном на славянофильстве было то, что они за официальнойностью не видели сердца, которое всегда билось. Мундир распахнулся, – и мы увидели сердце, которое всегда болело. И болело по-своему, никому не подражая, болело из себя» (с. 127). «Несчастье, ошибка и порок славянофилов заключался именно в таком воздушном представлении своей якобы воздушной истории, якобы без – материальной истории» (с. 125). Славянофильство ока-

зывается несколько не лучше западничества, оно – так же отвлеченно, литературно, идеологично, оторвано от подлинной жизни, которая есть Россия «официальная». Славянофилы, действительно, преклонялись больше перед русской «идеей», чем перед фактом и силой. Розанов завершает славянофильство преклонением перед силой и фактом. Презрение Розанова к идеям, мыслям, литературе не имеет пределов. Чиновник для него выше писателя. Чиновничья служба – дело серьезное, а литература – забава. Русский народ – государственный и серьезный народ. «Ему было любо государство в самих казнях, – ибо, казня, государство видело в нем душу и человека, а не игрушку, с которой позабавиться. Увы, литература только „забавилась“ около человека» (с. 135). Розанов хочет с художественным совершенством выразить обывательскую точку зрения на мир, тот взгляд старых тетушек и дядюшек, по которому государственная служба есть дело серьезное, а литература, идеи и пр. – пустяки, забава. Но до чего все это литература у самого Розанова. Он сам насквозь литератор, и литератор болтливый. Розанов был когда-то чиновником контрольного ведомства. Но вряд ли он захочет остаться в истории в таком качестве. Он захочет остаться в истории знаменитым литератором и ни от одной строчки, написанной им, не откажется. Как много литературы в самом чувстве народной жизни у Розанова, как далек он от народной жизни и как мало ее знает.

Народ и государственность в ослепительно талантливой

литературе Розанов так же отличается от народа и государственности в жизни, как прекраснодушная война его книги отличается от трагической войны, которая идет на берегах Вислы и на Карпатах. Органичность, народность, объективная космичность Розанова лишь кажущиеся. Он совершенно субъективен, импрессионистичен и ничего не знает и не хочет знать, кроме потока своих впечатлений и ощущений. Само преклонение Розанова перед фактом и силой есть лишь перелив на бумагу потока его женственно-бабьих переживаний, почти сексуальных по своему характеру. Он сам изобразил свою психологию в гениальной книге «Уединенное», которая должна была бы быть последней книгой его жизни и которая навсегда останется в русской литературе. Напрасно Розанов взывает к серьезности против игры и забавы. Сам он лишен серьезного нравственного характера, и все, что он пишет о серьезности официальной власти, остается для него безответственной игрой и забавой литературы. Он никогда не возьмет на себя ответственности за все сказанное им в книге о войне.

IV

Есть что-то неприятное и мучительное в слишком легком, благодушном, литературно-идеологическом отношении к войне. Мережковский справедливо восстал против «соловьев над кровью». Можно видеть глубокий смысл ны-

нешней войны и нельзя не видеть в ней глубокого духовного смысла. Все, что совершается ныне на войне материально и внешне, — лишь знаки того, что совершается в иной, более глубокой, духовной действительности. Можно чувствовать, что огонь войны очистителен. Но война — явление глубоко трагическое, антиномическое и страшное, а нынешняя война более, чем какая-либо из войн мировой истории. «Кровь — жидкость совсем особенная», — говорит Гёте в «Фаусте». И нужно самому приобщиться к мистерии крови, чтобы иметь право до конца видеть в ней радость, благо, очищение и спасение. Кабинетное, идеологическое обоготворение стихии войны и литературное прославление войны, как спасительницы от всех бед и зол, нравственно неприятно и религиозно недопустимо. Война есть внутренняя трагедия для каждого существа, она бесконечно серьезна. И мне кажется, что Розанов со слишком большой легкостью и благополучием переживает весну от войны, сидя у себя в кабинете. Он пишет о героическом подъеме, хотя героизм чужд ему окончательно, и он отрицает его каждым своим звуком. Но он так же не может противиться наплыву героизма, как не может противиться разгрому германского посольства, которое старается защитить. Нужно помнить, что природа войны отрицательная, а не положительная, она — великая проявительница и изобличительница. Но война, сама по себе, не творит новой жизни, она — лишь конец старого, рефлексия на зло. Обоготворение войны так же недопустимо, как недопустимо обо-

готворение революции или государственности.

V

Есть в книге Розанова еще одна неприятная и щекотливая для него сторона. Розанов всюду распинается за христианство, за православие, за церковь, всюду выставляет себя верным сыном православной церкви. Он уверяет, что славянофилов не любили потому, что они были христианами. Он повторяет целый ряд общих мест об измене христианству, об отпадении от веры отцов, поминает даже «Бюхнера и Молешотта», о которых не особенно ловко и вспоминать теперь, до того они отошли в небытие. Но я думаю, что христианская религия имела гораздо более опасного, более глубокого противника, чем «Бюхнер и Молешотт», чем наивные русские нигилисты, и противник этот был – В. В. Розанов. Кто написал гениальную хулу на Христа «об Иисусе Сладчайшем и о горьких плодах мира», кто почувствовал темное начало в Христе, источник смерти и небытия, истребление жизни, и противопоставил «демонической» христианской религии светлую религию рождения, божественное язычество, утверждение жизни и бытия?³

О, как невинно, как неинтересно и незначительно отношение к христианству Чернышевского и Писарева, Бюхнера и Молешотта по сравнению с отрицанием Розанова. Про-

³ См. книгу Розанова «Темный лик».

тивление Розанова христианству может быть сопоставлено лишь с противлением Ницше, но с той разницей, что в глубине своего духа Ницше ближе ко Христу, чем Розанов, даже в том случае, когда он берет под свою защиту православие. Лучшие, самые яркие, самые гениальные страницы Розанова написаны против Христа и христианства. Розанов, как явление бытия, есть глубочайшая, полярная противоположность всему Христову. Конечно, с Розановым мог произойти духовный переворот, в нем могло совершиться новое рождение, из язычника он мог стать христианином. Нехорошо попрекать человека тем, что раньше он был другим. Но с Розановым не в этом вопрос. Каждая строка Розанова свидетельствует о том, что в нем не произошло никакого переворота, что он остался таким же язычником, беззащитным против смерти, как и всегда был, столь же полярно противоположным всему Христову. Есть документы его души: «Уединенное» и «Опавшие листья», которые он сам опубликовал для мира. Розанов пережил испуг перед ужасом жизни и смерти. О смерти он раньше не удосуживался подумать, так как исключительно был занят рождением и в нем искал спасение от всего. И Розанов из страха принял православие, но православие без Христа, – православный быт, всю животную теплоту православной плоти, все языческое в православии. Но ведь это он всегда любил в православии и всегда жил в этой коллективной животной теплоте, – не любил он и не мог принять лишь Христа. Нет ни единого звука, который свидетель-

ствовал бы, что Розанов принял Христа и в Нем стал искать спасение. Розанов сейчас держится за христианство, за православную церковь по посторонним, не религиозным соображениям и интересам, по мотивам национальным, житейско-бытовым, публицистическим. Нельзя быть до того русским и не иметь связи с православием! Православие так же нужно Розанову для русского стиля, как самовар и блины. Да и с «левыми», с интеллигентами и нигилистами, легче расправляться, имея в руках орудие православия. Но я думаю, что иные русские интеллигенты-атеисты на какой-то глубине ближе ко Христу, чем Розанов. Русские интеллигенты, в лучшей, героической своей части, очень национальны и в своем антинационализме, в своем отщепенстве и скитальчестве и даже в своем отрицании России. Это – явление русского духа, более русского, чем национализм западно-немецкого образца. Сам же Розанов видит в русском западничестве чисто русское самоотречение и смирение (с. 53). И невозможно все в жизни русской интеллигенции отнести на счет «Бюхнера и Мошотта», «Маркса и Энгельса». Ни Маркс, ни Бюхнер никогда не сидели глубоко в русской душе, они заполняли лишь поверхностное сознание.

Великая беда русской души в том же, в чем беда и самого Розанова, – в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем. Русский народ слишком живет в национально-стихийном коллективизме, и в нем не

укрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав. Этим объясняется то, что русская государственность была так пропитана неметчиной и часто представлялась инородным владычеством. «Розановское», бабье и рабье, национально-языческое, дохристианское все еще очень сильно в русской народной стихии. «Розановщина» губит Россию, тянет ее вниз, засасывает, и освобождение от нее есть спасение для России. По крылатому слову Розанова, «русская душа испугана грехом», и я бы прибавил, что она им ушиблена и придавлена. Этот первородный испуг мешает мужественно творить жизнь, овладеть своей землей и национальной стихией. И если есть желанный смысл этой войны, то он прямо противоположен тому смыслу, который хочет установить Розанов. Смысл этот может быть лишь в выковывании мужественного, активного духа в русском народе, в выходе из женственной пассивности. Русский народ победит германизм, и дух его займет великодержавное положение в мире, лишь победив в себе «розановщину». Мы давно уже говорили о русской национальной культуре, о национальном сознании, о великом призвании русского народа. Но наши упования глубоко противоположны всему «розановскому», «вечно-бабьему», шовинизму и бахвальству и этому духовно-вампирическому отношению к крови, проливаемой русскими войсками. И думается, что для великой миссии русского народа в мире останется существенной та великая христианская истина, что душа человеческая стоит больше, чем

все царства и все миры...

Война и кризис интеллигентского сознания

I

В огромной массе русской интеллигенции война должна породить глубокий кризис сознания, расширение кругозора, изменение основных оценок жизни. Привычные категории мысли русской интеллигенции оказались совершенно непригодны для суждения о таких грандиозных событиях, как нынешняя мировая война. Сознание нашей интеллигенции не было обращено к исторически-конкретному и не имеет органа для суждений и оценок в этой области. Это сознание фатально пользуется суждениями и оценками, взятыми из совсем других областей, более для него привычных. Традиционное интеллигентское сознание было целиком обращено на вопросы внутренней политики и ориентировано исключительно на интересах социальных. Мировая война неизбежно обращает сознание к политике международной и вызывает исключительный интерес к роли России в мировой жизни. Кругозор сознания делается мировым. Преодолевается провинциализм сознания, провинциализм интересов. Мы, волей судьбы, выводимся в ширь всемирной истории. Многие традиционно настроенные русские интеллигенты, привык-

шие все оценивать по своим отвлеченно-социологическим и отвлеченно-моралистическим категориям, почувствовали растерянность, когда от них потребовалась живая реакция на мировые события такого масштаба. Привычные доктрины и теории оказались бессильны перед грозным лицом всемирно-исторического фатума. Провинциальный кругозор русского радикализма, русского народничества и русского социал-демократизма не вмещал таких мировых событий. Традиционное сознание привыкло презирать все «международное» и целиком отдавать его в ведение «буржуазии». Но после того, как началась мировая война, никто уже не может с презрением отворачиваться от «международного», ибо ныне оно определяет внутреннюю жизнь страны. В русской интеллигенции пробудились инстинкты, которые не вмещались в доктрины и были подавлены доктринами, инстинкты непосредственной любви к родине, и под их жизненным воздействием начало перерождаться сознание. Многими это изменение сознания переживается трагически и сопровождается чувством выброшенности за борт истории. С миром происходит не то, что привыкли предвидеть, что должно было с ним происходить по традиционным доктринам и теориям. Приходится ломать не только свое «мировоззрение», но и свои привычные традиционные чувства. Вынужденное всемирной историей обращение к интересам международным, к историческим судьбам народов и их взаимоотношениям обращает также и внутрь жизни каждого народа, повы-

шает и укрепляет национальное самочувствие и самосознание. Обращение к международному и всемирно-историческому обостряет чувство ценности собственной национальности и сознание ее задач в мире. А поглощенность борьбой партий и классов ослабляет чувство национальности. Широким кругам интеллигенции война несет сознание ценности своей национальности, ценности всякой национальности, чего она была почти совершенно лишена. Для традиционного интеллигентского сознания существовала ценность добра, справедливости, блага народа, братства народов, но не существовало ценности национальности, занимающей совершенно особенное место в иерархии мировых ценностей. Национальность представлялась не самоценностью, а чем-то подчиненным другим отвлеченным ценностям блага. И это объясняется прежде всего тем, что традиционное сознание интеллигенции никогда не было обращено к исторически-конкретному, всегда жило отвлеченными категориями и оценками. Исторические инстинкты и историческое сознание у русских интеллигентов почти так же слабы, как у женщин, которые почти совершенно лишены возможности стать на точку зрения историческую и признать ценности исторические. Это всегда означает господство точки зрения блага над точкой зрения ценности.

Ведь последовательно проведенная точка зрения блага людей ведет к отрицанию смысла истории и исторических ценностей, так как ценности исторические предполагают

жертву людским благам и людскими поколениями во имя того, что выше блага и счастья людей и их эмпирической жизни. История, творящая ценности, по существу трагична и не допускает никакой остановки на благополучии людей. Ценность национальности в истории, как и всякую ценность, приходится утверждать жертвенно, поверх блага людей, и она сталкивается с исключительным утверждением блага народа, как высшего критерия. Достоинство нации ставится выше благополучия людей. С точки зрения благополучия нынешнего поколения можно согласиться на постыдный мир, но это невозможно с точки зрения ценности национальности и ее исторической судьбы.

II

Сущность кризиса, совершающегося у нас под влиянием войны, можно формулировать так: нарождается новое сознание, обращенное к историческому, к конкретному, преодолевается сознание отвлеченное и доктринерское, исключительный социологизм и морализм нашего мышления и оценок. Сознание нашей интеллигенции не хотело знать истории, как конкретной метафизической реальности и ценности. Оно всегда оперировало отвлеченными категориями социологии, этики или догматики, подчиняло историческую конкретность отвлеченно-социологическим, моральным или догматическим схемам. Для такого сознания не существо-

вало национальности и расы, исторической судьбы и исторического многообразия и сложности, для него существовали лишь социологические классы или отвлеченные идеи добра и справедливости. Задачи исторические, всегда конкретные и сложные, мы любили решать отвлеченно-социологически, отвлеченно-морально или отвлеченно-религиозно, т. е. упрощать их, сводить к категориям, взятым из других областей. Русское сознание имеет исключительную склонность морализировать над историей, т. е. применять к истории моральные категории, взятые из личной жизни.

Можно и должно открывать моральный смысл исторического процесса, но моральные категории истории существенно отличаются от моральных категорий личной жизни. Историческая жизнь есть самостоятельная реальность, и в ней есть самостоятельные ценности. К таким реальностям и ценностям принадлежит национальность, которая есть категория конкретно-историческая, а не отвлеченно-социологическая. В русской потребности все в мире осмыслить морально и религиозно есть своя правда. Русская душа не мирится с поклонением бессмысленной, безнравственной и безбожной силе, она не принимает истории, как природной необходимости. Но тут здоровое и ценное зерно должно быть выделено из ограниченного, упрощающего и схематизирующего сознания. Мы должны раскрыть свою душу и свое сознание для конкретной и многообразной исторической действительности, обладающей своими специфическими ценностями.

ми. Мы должны признать реальность нации и ценность национально-исторических задач. Вопрос о мировой роли России, о ее судьбе приобретает огромное значение, он не может быть растворен в вопросе о народном благе, о социальной справедливости и т. п. вопросах. Кругозор становится мировым, всемирно-историческим. А всемирную историю нельзя втиснуть ни в какие отвлеченно-социологические или отвлеченно-моральные категории, она знает свои оценки. Россия есть самостоятельная ценность в мире, не растворимая в других ценностях, и эту ценность России нужно донести до божественной жизни.

Традиционное применение русской интеллигенции отвлеченно-социологических категорий к исторической жизни и историческим задачам всегда было лишь своеобразной и прикрытой формой морализирования над историей. Когда разразилась война, то многие русские интеллигенты делали попытки оценить ее с точки зрения интересов пролетариата, применить к ней категории социологической доктрины экономического материализма или социологической и этической теории народничества. Также интеллигенты другого лагеря начали применять доктрины славянофильские и рассматривать ее исключительно с точки зрения православно-догматической. А толстовцы бойкотировали войну с позиций своего отвлеченного морализма. Русские социал-демократы или народники также упрощенно морализовали над историей при помощи своих социологических схем,

как и славянофилы, как и толстовцы, при помощи схем религиозно-онтологических и религиозно-моральных. Все эти традиционные и доктринерские точки зрения не признают самостоятельной исторической реальности и самостоятельных исторических ценностей. Душа не раскрывается перед многообразной исторической действительностью, и энергия мысли не работает над новыми творческими задачами, поставленными жизнью и историей. Мысль не работает над новыми явлениями и темами, не проникает в конкретность мировой жизни, а упрощенно применяет свои старые схемы, свои сокращенные категории, социологические, моральные или религиозные. Но мировые события требуют погружения в конкретное, повышения энергии мысли, совершающей новую работу над всяким новым явлением жизни. Славянофильские, народнические или социал-демократические доктринерские схемы совершенно не приспособлены для новых событий мировой истории, ибо они выработаны для более простой и элементарной действительности. Русское мышление всегда было слишком монистично, слишком поглощено единым и враждебно множественности, закрыто для конкретного многообразия. Мировая война вызывает кризис этого исключительного монизма русского мышления, всегда склонного насиловать бесконечную сложность бытия. Нужно начать мыслить не по готовым схемам, не применять традиционные категории, а мыслить творчески над раскрывающейся трагедией мировой истории. Ибо огромный мораль-

ный и духовный смысл мировой войны ускользает от того, кто насилует историю доктринерской точкой зрения. Абсолютное неприменимо к относительному, к исторически-телесному, не вмести́мо в нем. Вся относительность природного и исторического процесса сводима к единству с абсолютным лишь в глубине духа, а не во внешней действительности.

III

Другим результатом войны для нашей интеллигенции должен быть переход от сознания по преимуществу отрицательного к сознанию положительному. В традиционном интеллигентском сознании господствовало распределительное, а не производительное отношение к жизни, бойкотирующее, а не созидающее. Наше социальное сознание не было творческим. Война горьким опытом своим научает тому, что народ должен стяжать себе положительную силу и мощь, чтобы осуществить свою миссию в мире. В русском народе и русском обществе должна пробудиться производящая и созидаящая энергия. В народной жизни моменты положительные должны победить моменты отрицательные. А это предполагает иное состояние сознания – более мужественное, ответственное, свободное и независимое. Историческое творчество ставится выше отрицательной борьбы партий, направлений, лагерей и групп. Только созидая, можно справедливо распределять. Русская интеллигенция не была еще призвана

к власти в истории и потому привыкла к безответственному бойкоту всего исторического. В ней должен родиться вкус к тому, чтобы быть созидательной силой в истории. Будущее великого народа зависит от него самого, от его воли и энергии, от его творческой силы и от просветленности его исторического сознания. От «нас», а не от «них» зависит наша судьба. Сведение старых счетов не должно так исключительно владеть нашим сознанием и волей. И отрицательная реакция не должна связывать нашу творческую энергию. В сознании народов расслабляющая идея блага и благополучия должна быть побеждена укрепляющей идеей ценности. Цель жизни народов – не благо и благополучие, а творчество ценностей, героическое и трагическое переживание своей исторической судьбы. А это предполагает религиозное отношение к жизни.

Либеральный империализм являет у нас опыт положительного, созидательного сознания, и в нем есть обращение к исторически-конкретному. Но либеральный империализм слишком уж создается по образцам западноевропейским, слишком уж мало русский и национальный по духу. Душа русской интеллигенции отвращается от него и не хочет видеть даже доли правды, заключенной в нем. Сознание нашей интеллигенции должно быть реформировано, перерождено и обогащено новыми ценностями. Я верю, что это совершится под влиянием войны. Но в душе русской интеллигенции есть своя непреходящая ценность, и эта ценность –

глубоко русская. Она должна остаться и пробыть в неизбежном процессе европеизации России и ее вовлечения в круговорот всемирной истории. Эта ценность должна быть лишь освобождена от отрицательной связанности и ограниченности. Русская интеллигенция, освобожденная от провинциализма, выйдет, наконец, в историческую ширь и туда понесет свою жажду правды на земле, свою часто неосознанную мечту о мировом спасении и свою волю к новой, лучшей жизни для человечества.

Темное вино

I

В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддается никаким рациональным объяснениям. Действие этого иррационального начала создает непредвиденное и неожиданное в нашей политике, превращает нашу историю в фантастику, в неправдоподобный роман. Что в основе нашей государственной политики лежат не государственный разум и смысл, а нечто иррациональное и фантастическое, — это особенно остро чувствуется в последнее время. Иррациональное начало все перемешивает и создает самые фантастические соотношения. Правое, консервативное, даже реакционное московское дворянство ставится в положение оппозиционное и принуждено прибегать к действиям демонстративным. Единственный общественный слой, который мог быть опорой старой власти, ускользает из-под ее ног. Даже Московская духовная академия, столь привыкшая к раболепству, демонстративно выражает свой испуг за судьбу святой церкви, подавленной темными влияниями. Настоящий консерватизм, настоящая церковность содрогаются от вла-

сти темной стихии над русским государством и русской церковью.

Интересно было назначение А. Д. Самарина обер-прокурором Святейшего Синода. С этим назначением подлинные православные связывали надежды на то, что будет отстаиваться независимость церкви и будут сделаны шаги к обновлению церкви. То были консервативные надежды, надежды искренних, идейных церковных консерваторов, которых приводило в отчаяние разрушение церковной жизни, господство над нею темных сил. Тяжело было смотреть верующему православному на рабскую зависимость церковной политики от посторонних влияний, чуждых внутренней святыне церкви. Недолго пробыл г. Самарин у власти, и отставка его еще интереснее, чем его назначение. А. Д. Самарин — правый, консерватор-церковник. Отставка его не могла быть результатом столкновения с правой и даже реакционной политикой. Он, по всей вероятности, и сам не чужд реставрационных тенденций, и вдохновляющие его идеалы обращены назад, а не вперед. Но А. Д. Самарин столкнулся с темным, иррациональным началом в церковной жизни, в точке скрепления церкви и государства, с влияниями, которые не могут быть даже названы реакционными, так как для них нет никакого разумного имени. Как убежденный церковный человек и как человек чести, г. Самарин не мог перенести сервилизма. Он должен был оказаться в оппозиции, в качестве правого и консерватора, крепкого православного и церков-

ника. Государство в опасности – это вызывает в нас патриотическую тревогу. Но и церковь в опасности. Это вызывает тревогу религиозную. Положение России небывало трагическое.

Она должна одолеть не только внешнего врага, но и внутреннее темное начало. Трудно даже сказать, что сейчас происходит планомерная реакция. Это – не реакция, а опьяненное разложение. Даже сколько-нибудь осмысленные реакционеры против того, что происходит. Правые все-таки могут признавать государственный разум, овладение темными стихиями. А. Д. Самарин, по-видимому, и является разумным, осмысленным правым, довольно трезвым, даже слишком трезвым. Он, вероятно, боится всякого слишком иррационального начала. И его разумная и трезвая правость, его рационалистическое славянофильство столкнулись лицом к лицу со скрытой силой, безумной и опьяненной, с темным вином русской земли. Разумный, культурный консерватизм бессилён в России, не им вдохновляется русская власть. И только беспредельная приспособляемость русской бюрократии, ее рабья готовность служить чему угодно может ладить с темными влияниями. Русская бюрократия есть корректив русской темной иррациональности, ее рассудочно-деловое дополнение, без которого эта русская стихия окончательно бы погибла. Бюрократия умеряет иррациональное начало и, приспособляясь к темной стихии, устраивает для нее дела мира сего. И у нас фактически сочетается сухой, рассудоч-

ный петроградский бюрократизм со скрывающейся за властью темной, иррациональной, пьяной силой.

II

Самое правое, консервативное направление может защищать известный тип культуры. В самом консервативном типе культуры темная стихия проходит через работу и преодоление человеческого духа и сознания. Но в России почти нет такого культурного консерватизма. Русская реакция по существу всегда враждебна всякой культуре, всякому сознанию, всякой духовности, за ней всегда стоит что-то темно-стихийное, хаотическое, дикое, пьяное. Реакция всегда у нас есть оргия, лишь внешне прикрытая бюрократией, одеждой в европейские сюртуки и фраки. В России есть трагическое столкновение культуры с темной стихией. В русской земле, в русском народе есть темная, в дурном смысле иррациональная, непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия. Как бы далеко ни заходило просветление и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать. В народной жизни эта особенная стихия нашла себе яркое, я бы даже сказал, гениальное выражение в хлыстовстве. В этой стихии есть темное вино, есть что-то пьянящее и оргийное, и кто отведал этого вина, тому трудно уйти из атмосферы, им создаваемой. Хлыстовство очень глубокое явление, и оно шире секты, нося-

щей это наименование. Хлыстовство, как начало стихийной оргийности, есть и в нашей церковной жизни. Всякая опьяненность первозданной стихией русской земли имеет хлыстовский уклон.

В самой хлыстовской секте меньше этой непросветимой темы, чем в неоформленных и неконцентрированных стихийных народных переживаниях. В мистической жажде хлыстов есть своя правда, указывающая на неутоленность официальной церковной религией. В русской литературе гениальное художественное воспроизведение эта стихия нашла в романе А. Белого «Серебряный голубь». А. Белый художественно прозрел в русском народе страстную мистическую стихию, которая была закрыта для старых русских писателей, создавших традиционно народническое представление о народе. Этой стихии не чувствовали и славянофилы, не чувствовал и Л. Толстой. Только Достоевский знал ее, но открывал ее не в жизни народа, а в жизни интеллигенции.

Эта темная русская стихия реакционна в самом глубоком смысле слова. В ней есть вечные мистические реакции против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей. Эта погруженность в стихию русской земли, эта опьяненность стихией, оргийное ее переживание не совместимы ни с какой культурой ценностей, ни с каким самосознанием личности. Тут антагонизм непримиримый. Всякое идеализирование природно-стихийной народной мистики враждебно культуре и

развитию. Это реакционное идеализирование нередко у нас принимает форму упоенности русским бытом, теплом самой русской грязи и сопровождается враждой ко всякому восхождению. Хлыстовская русская стихия двойственна. В ней скрыта подлинная и праведная религиозная жажда уйти из этого постылого мира. В хлыстовском сектантском движении есть ценная религиозная энергия, хотя и не просветленная высшим сознанием. Но в хлыстовской стихии, разлитой в разных формах по русской земле, есть и темное и грязное начало, которого нельзя просветить. В ней есть источник темного вина, пьянящего русский народ дурным, мракобесным опьянением. Это хаотически-стихийное, хлыстовское опьянение русской земли ныне дошло до самой вершины русской жизни. Мы переживаем совершенно своеобразное и исключительное явление – хлыстовство самой власти. Это путь окончательного разложения и гниения старой власти. Так исторически изживается остаток беспросветной тьмы в русской народной стихии. Темная иррациональность в низах народной жизни соблазняет и засасывает вершину. Старая Россия проваливается в бездну. Но Россия новая, грядущая имеет связь с другими, глубокими началами народной жизни, с душой России, и потому Россия не может погибнуть.

III

Для России представляет большую опасность увлече-

ние органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия. Мистике народной стихии должна быть противопоставлена мистика духа, проходящего через культуру. Пьяной и темной дикости в России должна быть противопоставлена воля к культуре, к самодисциплине, к оформлению стихии мужественным сознанием. Мистика должна войти в глубь духа, как то и было у всех великих мистиков. В русской стихии есть вражда к культуре. И вражда эта получила у нас разные формы идеологических оправданий. Эти идеологические оправдания часто бывали фальшивыми. Но одно верно. Подлинно есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному. А путь культуры – средний путь. И для судьбы России самый жизненный вопрос – сумеет ли она себя дисциплинировать для культуры, сохранив все свое своеобразие, всю независимость своего духа.

Не изойдет ли Россия в природно-народном дионисическом опьянении, в слишком позднем и потому губительном для нее язычестве? То, что совершается сейчас в русской реакции, есть пьяное язычество, пьяная оргия, дошедшая до вершины. Война ознаменовалась великим делом – уничтожением пьянства. Но у русского есть темное вино, которого нельзя лишить его никакими внешними мерами и реформами. Чтобы народ русский перестал опьяняться этим вином,

необходимо духовное возрождение народа в самых корнях его жизни, нужна духовная трезвость, через которую только и заслуживается новое вино. У нас же продолжают опьянять себя старым вином, перебродившим и перекившим. Старая Россия и должна опьянять себя в час разложения и исторической кончины. Старая жизнь не легко уступает место жизни новой. Тот мрак душевный, тот ужас, который охватывает силу отходящую и разлагающуюся, но не способную к жертве и отречению, ищет опьянения, дающего иллюзию высшей жизни. Так кончина старой исторической силы застигает ее в момент оргии. И история окружает этот конец фантастикой. Вырождается и приходит к концу какое-то темное начало в русской стихии, которая вечно грозила погромом ценностей, угашением духа. И была какая-то ниточка, соединяющая тьму на вершине русской жизни с тьмой в ее низинах. Вершина рушится, почва из-под нее уходит, никакая существенная сила уже не поддерживает ее. Но внизу все еще есть темная стихия, упивающаяся темным вином, на которую пытается опереться вершина. Стихия эта давно уже не преобладает в народной жизни, но она все еще способна выставить своих самозванцев, которые придают нашей церковной и государственной жизни темно-иррациональный характер, не просветимый никаким светом. На это нужно смотреть глубже и серьезнее, чем принято смотреть, ибо знаменательно это и не случайно для России. И для борьбы с внутренней тьмой необходима мобилизация всего духа, избравшего

путь света.

Азиатская и европейская душа

I

В первом номере журнала «Летопись» напечатана очень характерная статья М. Горького «Две души», которая, по-видимому, определяет направление нового журнала. Статья вращается вокруг вечной темы русских размышлений, вокруг проблемы Востока и Запада. С этой темой связана вековая распря славянофилов и западников. Тема – основная для нашего национального самосознания и очень ответственная; тема – основная для философии истории и требующая серьезной философской подготовки. Как отнесся к ней наш прославленный писатель? М. Горький пишет таким тоном, как будто делает открытие. Он, по-видимому, чувствует себя первым радикальным западником в России. «Мы полагаем, что настало время, когда история повелительно требует от честных и разумных русских людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изучению, безбоязненной критике. Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике». Можно подумать, что изучение и критика нашей самобытности только теперь должна начаться. Но ведь долгие десятилетия западничество было господствующим направлением русской мысли. Ни один народ не дохо-

дил до такого самоотрицания, как мы, русские. Русские почти стыдились того, что они русские. Явление – совершенно невозможное на Западе, где пышно расцвел национализм. И где же можно найти настоящее обоготворение Западной Европы и западноевропейской культуры, как не в России и не у русских? Отрицание России и идолопоклонство перед Европой – явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски, самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети. Славянофилы пробовали делать в России то же, что делал в Германии Фихте, который хотел вывести германское сознание на самобытный путь. А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность. Для русского западника-азиата Запад – обетованная земля, манящий образ совершенной жизни. Запад остается совершенно внешним, неведомым изнутри, далеким. У западника есть почти религиозное благоговение, вызываемое дистанцией. Так дети относятся к жизни взрослых, которая представляется им удивительной и соблазнительной именно

потому, что она совершенно им чужда. Поистине в русской душе есть «азиатские наслоения», и они очень всегда чувствуются в радикальном западничестве горьковского типа. В радикальном западничестве русской интеллигенции всегда было очень много не только совершенно русского, чуждого Западу, но и совершенно азиатского. Европейская мысль до неузнаваемости искажалась в русском интеллигентском сознании. Западная наука, западный разум приобретали характер каких-то божеств, неведомых критическому Западу. Даже Бюхнер, третьестепенный популяризатор поверхностных идей, превратился в катехизис, внушающий религиозное к себе отношение. Самоценность же мысли и познания у нас всегда отрицалась. Вот от этого азиатства пора бы освободиться русскому человеку, культурному русскому человеку. Западный человек не идолопоклонствует перед своими культурными ценностями, – он их творит. И нам следует творить культурные ценности из глубины. Творческая самобытность свойственна европейскому человеку. В этом и русский человек должен быть подобен человеку европейскому.

Русскую самобытность не следует смешивать с русской отсталостью. Это прискорбное смешение слишком свойственно самым различным направлениям. Россия – страна культурно отсталая. Это факт неоспоримый. В России много варварской тьмы, в ней бурлит темная, хаотическая стихия Востока. Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием. Но национальная

самобытность ничего общего не имеет с отсталостью, — она должна выявиться на высших, а не на низших ступенях развития. Наиболее самобытной будет грядущая, новая Россия, а не старая, отсталая Россия. Подлинное национальное сознание может быть лишь творческим, оно обращено вперед, а не назад. Так было у всех народов Европы. И еще не следует смешивать темного, дикого, хаотического азиатского Востока с древней культурой азиатского Востока, представляющего самобытный духовный тип, привлекающий внимание самых культурных европейцев. На Востоке — колыбель всех великих религий и культур. И на вершинах европейской культуры подлинно культурный европейский человек не может чувствовать презрения к своим древним истокам. Это презрение свойственно лишь варвару, человеку не культурному. Старинная культурная европейская душа не может идолопоклонствовать перед европейской культурой и не может презирать культуру Востока. Только темная еще азиатская душа, не ощутившая в своей крови и в своем духе прививок старой европейской культуры, может обоготворять дух европейской культуры, как совершенный, единый и единственный. И она же не чувствует древних культур Востока. М. Горький все смешивает и упрощает. Старая и в основе своей верная мысль о созерцательности Востока и действительности Запада им вульгаризируется и излагается слишком элементарно. Тема эта требует большого философского углубления. У Горького же все время чувствуется недостаточная

осведомленность человека, живущего интеллигентско-кружковыми понятиями, провинциализм, не ведающий размаха мировой мысли.

II

Лишь слегка прикоснувшись к поверхности европейского знания, можно так упрощенно поклоняться разуму и науке и в них видеть панацею от всех зол. Тот, кто находится внутри, в самой глубине европейского процесса познания, а не со стороны благоговейно на него смотрит, постигает внутреннюю трагедию европейского разума и европейской науки, глубокий их кризис, мучительную неудовлетворенность, искание новых путей. Горький, по-видимому, прошел мимо огромной философской работы, которая происходила на Западе за последние десятилетия и которая не оставила камня на камне от наивно-натуралистического и наивно-материалистического мировоззрения. Горький благоговейно утверждает разум в каком-то очень наивном, не критическом, совсем не философском смысле слова. Большая часть научно-позитивных направлений совсем не признает разума. В разум верят метафизики. И у Горького есть какая-то очень наивная метафизическая вера, ничего общего не имеющая с исследующей положительной наукой. Для науки и ее целей совсем не нужна эта религиозная вера в разум. Горький, как типичный русский интеллигент, воспринял европейскую на-

ую слишком по-русски и поклонился ей по-восточному, а не по-западному, как никогда не поклоняется тот, кто создает науку. Для Горького, как некогда для Писарева, наука – катехизис. Но это еще детское состояние сознания, это радость первой встречи.

Европа бесконечно сложнее, чем это представляется Горькому, бесконечно богаче. Там, на Западе, есть не только положительная наука и общественное деяние. Там есть и религия, и мистика, и метафизика, и романтическое искусство, там есть созерцание и мечтательность. Религиозные искания в нашу эпоху характерны не только для России, но и для Европы. И там ищут Бога и высшего смысла жизни, и там тоска от бессмыслицы жизни. Романтизм, который так не нравится Горькому, есть явление западное, а не восточное. Именно западный человек – романтик и страстный мечтатель. Восточный человек совсем не романтик и не мечтатель, его религиозность совсем другого типа. Романтизм сопутствует католическому типу религиозности, но его совсем нет в православном типе религиозности. На православном Востоке невозможно искание чаши св. Грааля. Нет романтизма и в Индии, на Востоке нехристианском. Можно ли назвать йога романтиком? Для М. Горького романтизм всегда есть буржуазная реакция, и на этом утверждении можно видеть, до какого ослепления доводит схема экономического материализма, как безжизненна она. Романтическое движение на Западе возникло тогда, когда буржуазия была еще в

самом начале своего жизненного пути, когда ей предстояло еще целое столетие блестящих успехов и могущества в земной жизни. О разложении европейской буржуазии в то время так же нелепо говорить, как нелепо говорить о разложении буржуазии в наше время в России, когда она еще в начале своего развития. Я не говорю уже об оскорбительном безвкусице таких объяснений духовной жизни.

М. Горький обвиняет русское «богоискательство» в желании найти центр вне себя и снять с себя ответственность за бессмысленную жизнь. Он даже считает возможным утверждать, что именно религиозные люди отрицают смысл жизни. Вот изумительный пример ослепленности! Именно те, кого Горький называет неудачным термином «богоискатели», вот уже много лет пытаются перенести центр тяжести внутрь человека, в его глубину, и возложить на личность человеческую огромную ответственность за жизнь. Они-то и борются с безответственностью, с возложением ответственности на силы, вне человека находящиеся. Горькому даже начинает казаться, что религиозные люди отрицают смысл земной жизни, в то время как только они его и признают. Позитивизм и материализм отрицают ответственность, свободу, творческую волю, отрицают человека и строят безвольную теорию социальной среды и власти необходимости, могущества внешних обстоятельств. Религиозное же сознание должно бороться с этими разлагающими и обессиливающими теориями социальной среды во имя творческой активно-

сти человека, во имя его высшей свободы, во имя высшего смысла жизни. В России эти материалистические теории заедающей социальной среды, эти принижающие учения о необходимости всего совершающегося лишь потворствуют восточной лени, слабоволию, безответственности. Вера в человека, в его творческую свободу и творческую мощь возможна лишь для религиозного сознания, а никогда не для позитивистического сознания, которое смотрит на человека, как на рефлекс материальной среды, природной и социальной. Поистине необходим и неотложен в России призыв к повышению человеческой активности, человеческого творчества, человеческой ответственности. Но это возможно на почве совсем иной, чем та, на которой стоит М. Горький. Радикальное русское западничество, искаженное и рабски воспринимаящее сложную и богатую жизнь Запада, есть форма восточной пассивности. На Востоке должна быть пробуждена самобытная творческая активность, созидаящая новую культуру, и это возможно лишь на религиозной почве. Мы уже вступаем в тот возраст нашего бытия, когда время нам уже выйти из детского западничества и детского славянофильства, когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания. Великие мировые события выводят нас в мировую ширь, к мировым перспективам. Потрясения мировой войны выводят и Европу за ее замкнутые пределы, вскрывают коренные противоречия внутри самой Европы и свергают кумиры западничества. Вовле-

чение России в мировой круговорот означает конец ее замкнутого провинциального существования, ее славянофильского самодовольства и западнического рабства. Но М. Горький остается в старом сознании, он ничему не хочет научиться от совершающегося в мире и пребывает в старой противоположности Востока и Запада.

О власти пространств над русской душой

I

Много есть загадочного в русской истории, в судьбе русского народа и русского государства. Отношения между русским народом, которого славянофилы прославляли народом безгосударственным, и огромным русским государством до сих пор остаются загадкой философии русской истории. Но не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения

своего государства русский народ истощал свои силы. Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Геній формы – не русский геній, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы.

Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самостоятельность классов и групп. Нелегко было поддерживать величайшее в мире государство, да еще народу, не обладающему формальным организационным гением. Долгое время приходилось защищать Россию от наступавших со всех сторон врагов. Волны с Востока и Запада грозили затопить Россию. Россия пережила татарщину, пережила смутную эпоху и окончательно окрепла, выросла в государственного колосса. Но необъятные пространства России тяжелым

гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширию, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработывает ее. И вот духовная энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы. Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями. Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него. И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно ему справиться. Широкий русский человек, широкий как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самостоятельности, он расплывался в пространстве. И это бы-

ло не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо все внешнее есть лишь символ внутреннего. С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души.

II

В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему

было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западноевропейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность. И в душе его тесно, а не пространно, все должно быть рассчитано и правильно распределено. Организованная прикрепленность всего к своему месту создает мещанство западноевропейского человека, столь всегда поражающее и отталкивающее человека русского. Эти мещанские плоды европейской культуры вызывали негодование Герцена, отвращение К. Леонтьева, и для всякой характерно русской души не сладостны эти плоды.

Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и против-

на славянская безбрежность. Он только с большим напряжением энергии хотел бы расширить свои границы. Немец должен презирать русского человека за то, что тот не умеет жить, устраивать жизнь, организовать жизнь, не знает ни- чему меры и места, не умеет достигать возможного. Русско- му же противен германский пафос мещанского устройства жизни. Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чув- ствует себя организатором. Он привык быть организуемым. И даже в эту страшную войну, когда русское государство в опасности, нелегко русского человека довести до сознания этой опасности, пробудить в нем чувство ответственности за судьбу родины, вызвать напряжение энергии. Русский че- ловек утешает себя тем, что за ним еще стоят необъятные пространства и спасут его, ему не очень страшно, и он не очень склонен слишком напрягать свои силы. И с трудом до- ходит русский человек до сознания необходимости мобили- зовать всю свою энергию. Вопрос об интенсивной культуре, предполагающей напряженную активность, еще не делался для него вопросом жизни и судьбы. Он тонул в своих нед- рах и в своих пространствах. И нужно сказать, что всякой самодеятельности и активности русского человека ставились непреодолимые препятствия. Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу русская государственность боялась са- модеятельности и активности русского человека, она слага-

ла с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения. Через исторический склад русской государственности сами русские пространства ограничивали всякую ответственную самостоятельность и творческую активность русского человека. И это порабощение сил русского человека и всего русского народа оправдывалось охранением и упорядочением русских пространств.

III

Требования, которые составит России мировая война, должны привести к радикальному изменению сознания русского человека и направления его воли. Он должен, наконец, освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами, нимало не изменяя этим русскому своеобразию, связанному с русской ширию. Это означает радикально иное отношение к государству и культуре, чем то, которое было доныне у русских людей. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами и разрабатывающей их русской энергией. Без такого внутреннего сдвига русский народ не может иметь будущего, не может перейти в новый фазис своего исторического бытия,

поистине исторического бытия, и само русское государство подвергается опасности разложения. Если русское государство донныне хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа. Пространства не должны запугивать русский народ, они должны будить энергию, не немецкую, а русскую энергию. Безумны те, которые связывают русскую самобытность и своеобразие с технической и экономической отсталостью, с элементарностью социальных и политических форм и хотят сохранить русское обличье через сохранение пассивности русского духа. Самобытность не может быть связана с слабостью, неразвитостью, с недостатками. Самобытный тип русской души уже выработан и навеки утвержден. Русская культура и русская общественность могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии. Но русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе. Национальная самобытность не должна быть пугливой, мнительно себя охраняющей, скованной. В зрелый период исторического существования народа самобытность должна быть свободно выраженной, смелой, творящей, обращенной вперед, а не назад. Некоторые славянофильствующие и в наши горестные дни думают, что если мы, русские, станем активными в отношении к государству и культуре, овладевающими и упорядочивающими, если начнем из глубины своего духа создавать новую, свободную обще-

ственность и необходимые нам материальные орудия, если вступим на путь технического развития, то во всем будем подобными немцам и потеряем нашу самобытность. Но это есть неверие в духовную мощь русского народа. Самобытность, которая может быть сохранена лишь прикреплением ее к отсталым и элементарным материальным формам, ничего не стоит, и на ней ничего нельзя основать. Охранители всегда мало верят в то, что охраняют. Истинная же вера есть лишь у творящих, у свободных. Русская самобытная духовная энергия может создать лишь самобытную жизнь. И пора перестать запугивать русского человека огромностью государства, необъятностью пространства и держать его в рабстве. Именно тогда, когда русский человек содержался в рабстве, он был во власти неметчины, наложившей печать на весь склад русской государственности. Освобождение русской народной энергии и направление ее к активному овладению и оформлению русских пространств будет и освобождением русского народа от немецкого рабства, будет утверждением его творческой самобытности. Нельзя полагать русскую самобытность в том, что русские должны быть рабами чужой активности, хотя бы и немецкой, в отличие от немцев, которые сами активны! Да сохранил нас Бог от такой самобытности – мы от нее погибнем! Исторический период власти пространств над душой русского народа кончается. Русский народ вступает в новый исторический период, когда он должен стать господином своих земель и творцом своей

судьбы.

Централизм и народная жизнь

I

Большая часть наших политических и культурных идеологий страдает централизмом. Всегда чувствуется какая-то несоизмеримость между этими идеологиями и необъятной русской жизнью. Недра народной жизни огромной России все еще остаются неразгаданными, таинственными. Сам народ все еще как будто бы безмолвствует, и волю его с трудом разгадывают люди центров. Такие направления наши, как славянофильство и народничество, относились с особенным уважением и вниманием к народной жизни и по-разному стремились опереться на самые недра земли русской. Но и в славянофильстве и в народничестве всегда была значительная доля утопизма централистических идеологий, и эти обращенные к народной жизни идейные течения не покрывали всей необъятности и огромности русской народной жизни. Народничество, столь характерное для русской мысли и проявляющееся в разнообразных формах, предполагает уже отщепенство и чувство оторванности от народной жизни. Оно было исканием истинного народа и истинной народной жизни со стороны интеллигенции, потерявшей связь с народом и не способной себя сознать народом. Это – стремле-

ние к слиянию с народом и идеализация народа со стороны и издали. Народничество – чисто интеллигентское направление. В самой глубине народной жизни, у лучших людей из народа никакого народничества нет, там есть жажда развития и восхождения, стремление к свету, а не к народности. Это совершенно так же, как на Западе нет западничества. Одной из коренных ошибок народничества было отождествление народа с простонародьем, с крестьянством, с трудящимися классами. Наш культурный и интеллигентный слой не имел силы сознать себя народом и с завистью и вожделием смотрел на народность простого народа. Но это – болезненное самочувствие. Люди культурных и интеллигентных центров слишком часто думают, что центр тяжести духовной и общественной народной жизни – в простонародье, где-то далеко в глубине России. Но центр народной жизни везде, он в глубине каждого русского человека и каждой пяди русской земли, его нет в каком-то особом месте. Народная жизнь есть национальная, общерусская жизнь, жизнь всей русской земли и всех русских людей, взятых не в поверхностном, а глубинном пласте. И каждый русский человек должен был бы чувствовать себя и сознать себя народом и в глубине своей ощутить народную стихию и народную жизнь. Высококультурный человек, проживающий в центрах, должен и может чувствовать себя не менее народным человеком, чем мужик где-то в глубине России. И всего более народен – гений. Высококультурный слой может быть так же народен, как и глу-

бинный подземный слой народной жизни. Народ – прежде всего я сам, моя глубина, связывающая меня с глубиной великой и необъятной России. И лишь поскольку я выброшен на поверхность, я могу чувствовать себя оторванным от недр народной жизни. Истинной народной жизни нужно искать не в пространствах и внешних расстояниях, а в изменениях глубины. И в глубине я – культурный человек – такой же народ, как и русский мужик, и мне легко общаться с этим мужиком духовно. Народ не есть социальная категория, и социальные противоположения лишь мешают осознанию народности. Тоскующая мечта об истинной народной жизни где-то вне меня и вдали от меня – болезненна и бессильна. Истинный центр всегда ведь может быть обретен лишь внутри человека, а не вне его. И вся народная русская земля есть лишь глубинный слой каждого русского человека, а не вне его и вдали лежащая обетованная земля. Истинный центр не в столице и не в провинции, не в верхнем и не в нижнем слое, а в глубине всякой личности. Народная жизнь не может быть монополией какого-нибудь слоя или класса. Духовную и культурную децентрализацию России, которая совершенно неизбежна для нашего национального здоровья, нельзя понимать как чисто внешнее пространственное движение от столичных центров к глухим провинциям. Это прежде всего внутреннее движение, повышение сознания и рост соборной национальной энергии в каждом русском человеке по всей земле русской.

II

Россия совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры. Россия – страна великих контрастов по преимуществу – нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы. Вот почему так трудно организовать Россию, упорядочить в ней хаотические стихии. Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. У нас почти нет того среднего и крепкого общественного слоя, который повсюду организует народную жизнь. Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра – вот полюсы русской жизни. И русская общественная жизнь слишком отеснена к этим полюсам. А жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы и жизнь глухих уголков далекой русской провинции принадлежит к разным историческим эпохам. Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны. Вся наша

культурная жизнь стягивается к Петрограду, к Москве, отчасти лишь к Киеву. Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть во тьме глухих провинций, старается охранить себя в центрах. Есть какой-то испуг перед темными и поглощающими недрами России. Явление это – болезненное и угрожающее. Россия – не Франция. И во Франции исключительное сосредоточение культуры в Париже порождает непомерную разницу возраста Парижа и французской провинции и делает непрочными и поверхностными политические перевороты. В России же такая централизация совсем уже болезненна и удерживает Россию на низших стадиях развития. В России существенно необходима духовно-культурная децентрализация и духовно-культурный подъем самих недр русской народной жизни. И это совсем не народничество. Одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизм, духовный бюрократизм и ложное народничество, духовный провинциализм. Одинаково неверна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинциальная. Это две стороны одного и того же разрыва в народной жизни. Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, сознавшей свою связь с нацией. Недра русской жизни не где-либо, а везде, везде можно открыть глубину народного духа. На поверхности национальной жизни всегда будут существовать духовные центры, но не должно это носить ха-

рактера духовной бюрократизации жизни.

Разные возрасты России прежде всего ставят задачи духовного, морального и общественного воспитания и самовоспитания нации. Эти задачи предполагают большую гибкость и не допускают насилия над народной жизнью. Если бюрократически-абсолютистская централизация и централизация революционно-якобинская вообще опасны для здорового народного развития, то еще более опасны они в такой колоссальной и таинственной стране, как Россия. Централизм реакционный и централизм революционный могут быть в одинаковом несоответствии с тем, что совершается в глубине России, в недрах народной жизни. И да не будет так, чтобы старое бюрократическое насилие над народной жизнью сменилось новым якобинским насилием! Пусть жизнь народная развивается изнутри, в соответствии с реальным бытием нашим! Петроградский бюрократизм заражал и наше либеральное и революционное движение. Бюрократизм есть особая метафизика жизни, и она глубоко проникает в жизнь. Но провинциализм есть другая метафизика жизни. Крайний централистический бюрократизм и крайний провинциализм – соотносительны и взаимно обуславливают друг друга. Россия погибает от централистического бюрократизма с одной стороны и темного провинциализма с другой. Децентрализация русской культуры означает не торжество провинциализма, а преодоление и провинциализма и бюрократического централизма, духовный подъем всей на-

ции и каждой личности. В России повсеместно должна начаться разработка ее недр, как духовных, так и материальных. А это предполагает уменьшение различия между центрами и провинцией, между верхним и нижним слоем русской жизни, предполагает уважение к тем жизненным процессам, которые происходят в неведомой глубине и дали народной жизни. Нельзя предписать свободу из центра – должна быть воля к свободе в народной жизни, уходящей корнями своими в недра земли. Эта воля к свободе и к свету есть и в самых земляных и темных еще слоях народа. Нужно только уметь подойти к темной еще народной душе с вникающей любовью и без насилия. Ныне должна проснуться не интеллигенция, не верхний культурный слой, не какой-нибудь демагогически развиваемый класс, а огромная, неведомая, народная, провинциальная, «обывательская» Россия, не сказавшая еще своего слова. Потрясения войны способствуют этому пробуждению. И свет сознания, который должен идти навстречу этой пробуждающейся России, не должен быть внешним, централистическим и насилующим светом, а светом внутренним для всякого русского человека и для всей русской нации.

О святости и честности

I

К. Леонтьев говорит, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность – западноевропейский идеал. Русский идеал – святость. В формуле К. Леонтьева есть некоторое эстетическое преувеличение, но есть в ней и несомненная истина, в ней ставится очень интересная проблема русской народной психологии. У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача. В нашей истории отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагоприятно для развития и для выработки личности. Русский человек не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность, он слишком склонен был полагаться на то, что органический коллектив, к которому он принадлежит, за него все сделает для его нравственного здоровья. Русское православие, которому русский народ обязан своим нравственным воспитанием, не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека, в нем была

огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку было прежде всего предъявлено требование смирения. В награду за добродетель смирения ему все давалось и все разрешалось. Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Русский человек привык думать, что бесчестность – не великое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится, не превозносится. И в самом большом преступлении можно смиренно каяться, мелкие же грехи легко снимаются свечечкой, поставленной перед угодником. Высшие сверхчеловеческие задачи стоят перед святым. Обыкновенный русский человек не должен задаваться высокой целью даже отдаленного приближения к этому идеалу святости. Это – гордость. Православный русский старец никогда не будет направлять по этому пути. Святость есть удел немногих, она не может быть путем для человека. Всякий слишком героический путь личности русское православное сознание признает гордыней, и идеологи русского православия готовы видеть в этом пути уклон к человекобожеству и демонизму. Человек должен жить в органическом коллективе, послушный его строю и ладу, образовываться своим словом, своей традиционной профессией, всем традиционным народным укладом.

В каком же смысле русское народное православное сознание верит в святую Русь и всегда утверждает, что Русь живет святостью, в отличие от народов Запада, которые живут

лишь честностью, т. е. началом менее высоким? В этом отношении в русском религиозном сознании есть коренной дуализм. Русский народ и истинно русский человек живут святостью не в том смысле, что видят в святости свой путь или считают святость для себя в какой-либо мере достижимой или обязательной. Русь совсем не свята и не почитает для себя обязательно сделаться святой и осуществить идеал святости, она — свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания или общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности. Для русской религиозной души святится не столько человек, сколько сама русская земля, которую «в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя». И в религиозных видениях русского народа русская земля представляется самой Богородицей. Русский человек не идет путями святости, никогда не задается такими высокими целями, но он поклоняется святым и святости, с ними связывает свою последнюю любовь, возлагается на святых, на их заступничество и предстательство, спасается тем, что русская земля имеет так много святынь. Душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, верю, никогда ему не поклонится в последней глубине своей. Но русская душа склонна опускаться в низшие состояния, там распускать себя, допускать бесчестность и грязь. Русский человек будет грабить и

наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью, он будет верить, что жизнь св. Серафима Саровского выше всех земных благ и что св. Серафим спасет его и всех грешных русских людей, предстательствуя перед Всевышним от лица русской земли. Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества. Какой-нибудь хищник и кровопийца – может очень искренно, поистине благоговейно склоняться перед святостью, ставить свечи перед образами святых, ездить в пустыни к старцам, оставаясь хищником и кровопийцей. Это даже нельзя назвать лицемерием. Это – веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь, особый душевный уклад, особый путь. Это – прививка душевно-плотской, недостаточно духовной религиозности. Но в русском душевном типе есть огромное преимущество перед типом европейским. Европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большого совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели.

II

Святость остается для русского человека трансцендент-

ным началом, она не становится его внутренней энергией. Почитание святости построено по тому же типу, что и почитание икон. К святому сложилось отношение, как к иконе, лик его стал иконописным ликом, перестал быть человеческим. Но это трансцендентное начало святости, становящееся посредником между Богом и человеком, должно что-то делать для русского человека, ему помогать и его спасать, за него совершать нравственную и духовную работу. Русский человек совсем и не помышляет о том, чтобы святость стала внутренним началом, преображающим его жизнь, она всегда действует на него извне. Святость слишком высока и недоступна, она – уже не человеческое состояние, перед ней можно лишь благоговейно склоняться и искать в ней помощи и заступничества за окаянного грешника. Почитание святых заслонило непосредственное богообщение. Святой – больше, чем человек, поклоняющийся же святому, ищущий в нем заступничества, – меньше, чем человек. Где же человек? Всякий человеческий идеал совершенства, благородства, чести, честности, чистоты, света представляется русскому человеку малоценным, слишком мирским, средне-культурным. И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого. Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством. Русскому человеку часто представляется, что если нельзя быть святым и подняться до сверхчеловеческой высоты, то лучше уж оставаться в свинском

состоянии, то не так уже важно, быть ли мошенником или честным. А так как сверхчеловеческое состояние святости доступно лишь очень немногим, то очень многие не достигают и человеческого состояния, остаются в состоянии свинском. Активное человеческое совершенствование и творчество парализованы. В России все еще недостаточно раскрыто человеческое начало, оно все еще в потенциях, великих потенциях, но лишь потенциях.

Русская мораль проникнута дуализмом, унаследованным от нашей своеобразной народной религиозности. Идея святой Руси имела глубокие корни, но она заключала в себе и нравственную опасность для русского человека, она нередко расслабляла его нравственную энергию, парализовала его человеческую волю и мешала его восхождению. Это – женственная религиозность и женственная мораль. Русская слабость, недостаток характера чувствуется в этом вечном желании укрыться в складках одежд Богородицы, прибегнуть к заступничеству святых. Божественное начало не раскрывается изнутри, в самой русской воле, русском жизненном порыве. Переживания своей слабости и своего окаянства и представляются религиозными переживаниями по преимуществу. И мы всего более нуждаемся в развитии в себе мужественного религиозного начала во всех отношениях. Мы должны развивать в себе сознание ответственности и приучаться возлагать как можно больше на самих себя и на свою активность. От этого зависит будущее России, исполнение ее

призвания в мире. Нельзя видеть своеобразие России в слабости и отсталости. В силе и в развитии должно раскрыться истинное своеобразие России. Русский человек должен перестать возлагаться на то, что за него кем-то все будет сделано и достигнуто. Исторический час жизни России требует, чтобы русский человек раскрыл свою человеческую духовную активность.

Очень характерно, что не только в русской народной религиозности и у представителей старого русского благочестия, но и у атеистической интеллигенции, и у многих русских писателей чувствуется все тот же трансцендентный дуализм, все то же признание ценности лишь сверхчеловеческого совершенства и недостаточная оценка совершенства человеческого. Так средний радикальный интеллигент обычно думает, что он или призван перевернуть мир, или принужден остаться в довольно низком состоянии, пребывать в нравственной неряшливости и опускаться. Промышленную деятельность он целиком предоставляет той «буржуазии», которая, по его мнению, и не может обладать нравственными качествами. Русского человека слишком легко «заедает среда». Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его подымать и спасать. Материалистическая теория социальной среды в России есть своеобразное и искаженное переживание религиозной трансцендентности, полагающей центр тяжести

вне глубины человека. Принцип «все или ничего» обычно в России оставляет победу за «ничем».

III

Нужно признать, что личное достоинство, личная честь, личная честность и чистота мало кого у нас пленяют. Всякий призыв к личной дисциплине раздражает русских. Духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной и пленительной. Когда русский человек религиозен, то он верит, что святые или сам Бог все за него сделают, когда же он атеист, то думает, что все за него должна сделать социальная среда. Дуалистическое религиозное и моральное воспитание, всегда призывавшее исключительно к смирению и никогда не призывавшее к чести, пренебрегавшее чисто человеческим началом, чисто человеческой активностью и человеческим достоинством, всегда разлагавшее человека на ангельско-небесное и зверино-земное, косвенно сказалось теперь, во время войны. Святости все еще поклоняется русский человек в лучшие минуты своей жизни, но ему недостает честности, человеческой честности. Но и почитание святости, этот главный источник нравственного питания русского народа, идет на убыль, старая вера слабеет. Зверино-земное начало в человеке, не привыкшем к духовной работе над собой, к претворению низшей природы в высшую, оказывается предо-

ставленным на произвол судьбы. И в отпавшем от веры, по-современному обуржуазившемся русском человеке остается в силе старый религиозный дуализм. Но благодать отошла от него, и он остался предоставленным своим непросветленным инстинктам. Оргия химических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великой мировой войны и великих испытаний для России есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России. Жажда наживы охватила слишком широкие слои русского народа. Обнаруживается вековой недостаток честности и чести в русском человеке, недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения. И в этом есть что-то рабье, какое-то не гражданское, догражданское состояние. Среднему русскому человеку, будь он землевладельцем или торговцем, недостает гражданской честности и чести. Свободные граждане не могут спекулировать, утаивать продукты первой необходимости и т. п. во время великого испытания духовных и материальных сил России. Это несмываемый позор, о котором с содроганием будут вспоминать будущие поколения наряду с воспоминанием о героических подвигах русской армии, о самоотверженной деятельности наших общественных организаций. Я верю, что ядро русского народа нравственно-здоровое. Но в нашем буржуазно-обывательском слое не оказалось достаточно сильного нравственного гражданского сознания, нравственной и гражданской подготовки личности. Перед этим слоем стоят

не только большие испытания, но и большие соблазны. Русский человек может бесконечно много терпеть и выносить, он прошел школу смирения. Но он легко поддается соблазнам и не выдерживает соблазна легкой наживы, он не прошел настоящей школы чести, не имеет гражданского закала. Это не значит, что, так легко соблазняющийся и уклоняющийся от путей личной и гражданской честности, русский человек совсем не любит России. По-своему он любит Россию, но он не привык чувствовать себя ответственным перед Россией, не воспитан в духе свободно-гражданского к ней отношения.

Приходится с грустью сказать, что святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошеннической. Это подобно тому, как моногамическая семья имеет свой коррелятив в проституции. Вот этот дуализм должен быть преодолен и прекращен. Нужно вникать в глубокие духовные истоки наших современных нравственных язв. В глубине России, в душе русского народа должны раскрыться имманентная религиозность и имманентная мораль, для которой высшее божественное начало делается внутренне преобразующим и творческим началом. Это значит, что должен во весь свой рост стать человек и гражданин, вполне свободный. Свободная религиозная и социальная психология должна победить внутри каждого человека рабскую религиозную и социальную психологию. Это значит также, что русский человек должен выйти из того состояния, когда он может быть святым, но не может быть честным. Святость навеки останется у русского народа, как

его достояние, но он должен обогатиться новыми ценностями. Русский человек и весь русский народ должны сознать божественность человеческой чести и честности. Тогда инстинкты творческие победят инстинкты хищнические.

Об отношении русских к идеям

I

Многое в складе нашей общественной и народной психологии наводит на печальные размышления. И одним из самых печальных фактов нужно признать равнодушие к идеям и идейному творчеству, идейную отсталость широких слоев русской интеллигенции. В этом обнаруживается вялость и инертность мысли, нелюбовь к мысли, неверие в мысль. Моралистический склад русской души порождает подозрительное отношение к мысли. Жизнь идей признается у нас роскошью, и в роскоши этой не видят существенного отношения к жизни. В России с самых противоположных точек зрения проповедуется аскетическое воздержание от идейного творчества, от жизни мысли, переходящей пределы утилитарно нужного для целей социальных, моральных или религиозных. Этот аскетизм в отношении к мысли и к идейному творчеству одинаково утверждался у нас и с точки зрения религиозной и с точки зрения материалистической. Это так свойственно русскому народничеству, принимавшему и самые левые, и самые правые формы. Ярко выразилась эта складка русской души в толстовстве. Одни считают у нас достаточным тот минимум мысли, который заключается в

социал-демократических брошюрах, другие – тот, который можно найти в писаниях святых отцов. Брошюры толстовские, брошюры «религиозно-философской библиотеки» М. А. Новоселова и брошюры социально-революционные обнаруживают совершенно одинаковую нелюбовь и презрение к мысли. Самоценность мысли отрицалась, свобода идейного творчества бралась под подозрение то с точки зрения социально-революционной, то с точки зрения религиозно-охранительной. Любили у нас лишь катехизисы, которые легко и просто применялись ко всякому случаю жизни. Но любовь к катехизисам и есть нелюбовь к самостоятельной мысли. В России никогда не было творческой избыточности, никогда не было ничего ренессансного, ничего от духа Возрождения. Так печально и уныло сложилась русская история и сдавила душу русского человека! Вся духовная энергия русского человека была направлена на единую мысль о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине эта мысль о всеобщем спасении – характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна, – он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины, и у него не хватало сил для свободного развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.